

Татяна
ТРОНИНА

Свет в окошке

истории
любви

Татьяна Трoнина

Свет в окошке

«ЭКСМО»

2008

Трoнина Т. М.

Свет в окошке / Т. М. Трoнина — «Эксмо», 2008

Один – галантный и нежный. Другой – красивый и жестокий. Третий – пылкий и страстный. И кто-то из этих мужчин желает Даше зла... Или любит – так, что готов погубить. Кому верить, куда бежать? Преступление вот-вот совершится... От следователя Руслана Кедрова никакого толку – он в своей-то жизни не может разобраться. Чтобы узнать правду, надо дойти до края бездны – и заглянуть в нее. Только тогда Даша поймет, кто ей враг, а кто – тот самый, единственный. Но один неверный шаг – и она может пропасть навсегда...

© Трoнина Т. М., 2008

© Эксмо, 2008

Содержание

* * *	5
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Татьяна Трoнина

Свет в окошке

Блани. Ведет себя как скотина, а повадки – зверя! Ест как животное, ходит как животное, изъясняется как животное!
Теннесси Уильямс. "Трамвай «Желание»"

Брик. Что ты сказала?
Маргарет. Я собираюсь сказать: мне... одиноко. Очень!
Брик. Это со всеми бывает...
Теннесси Уильямс. «Кошка на раскаленной крыше»

Автор не всегда разделяет позицию своих персонажей

* * *

...Даша вышла из дома, быстро обогнула цепочку гаражей, затем спустилась по лестнице к набережной и только тогда вспомнила – собственно, а заряжен ли фотоаппарат?

Фотоаппарат был новый, купленный взамен прежнего, вытащенного из сумочки неизвестными лицами – то ли в кафе, где она сидела с Варварой, то ли где-то в метро, когда везла сценарий очередной серии на киностудию. Словом, Даша еще не успела приноровиться к очередной цифровой игрушке.

– Сейчас проверим... – озабоченно пробормотала она и на бегу выхватила фотоаппарат. Нажала на кнопку включения – вспыхнул экран, в верхнем углу которого замерцали какие-то символы. Пытаясь разгадать их значение, Даша стала жать подряд на все кнопки – мигнула вспышка, раздался щелчок, изображение замерло, через мгновение снова картинка стала плавающей – значит, работает. Отлично.

Вдоль набережной растянулась вереница машин. Они едва двигались, то и дело сигнала.

Даша бесстрашно вклинилась между ними и, лавируя, на ходу сделала еще несколько пробных снимков. Снова ярко мигнула вспышка, один из водителей запоздало прикрыл лицо рукой.

«Пардон... – усмехнулась Даша. – Но вы правы, милейший, вспышку надо отключить – она ни к чему, когда и так столько солнца вокруг!»

Она перешла через мост, посмотрела на электронные часы, прилепившиеся к фасаду многоэтажки, – 16.40. На первом этаже многоэтажки располагался Дашин любимый магазин: на витрине – развалы всевозможных коробочек и флакончиков со столь милым ее сердцу парфюмерно-косметическим содержанием. Стекла перечеркивали кричащие цифры – распродажа. «Опаздываю! – одернула себя Даша. – На обратном пути зайду!»

Она свернула за дом, затем побежала вдоль трамвайного пути. Снова свернула – ярмарка выходного дня.

Оглушающе пахло копченой рыбой, с грузовика торговали арбузами, женщины с сосредоточенным видом пробовали спичкой мед...

- Липовый?
- Да. Берите. Пятьдесят, сто, двести рублей...
- А донник? Донник есть у вас?
- Чье? Чувашия? Эт-та хорошо...
- Мужчина, не напирайте!
- У меня без сдачи, между прочим!..

Даша вошла в бурлящую толпу. Соленые огурцы, маринованный чеснок, оранжевые бока дынь...

Марат любит дыни, машинально вспомнила она.

Режет их тонко, деликатно берет ломтики своими тонкими пальцами. По подбородку течет капелька дынного сока. Прозрачные темные глаза тоже подернуты сладкой слезой...

Даша прерывисто вздохнула.

Наконец торговые ряды закончились, и Даша оказалась у пешеходного перехода.

Зеленый. Вперед!

Сзади раздался визг тормозов, спину обдало волной нагретого воздуха от автомобиля, но Даша даже не оглянулась. Не задавили – и на том спасибо. «Совсем обалдели... На зеленый едут!» – лишь привычно подумала она.

...Варвару было видно издалека.

На фоне скучной решетчатой ограды и пестрой толпы людей (в основном – мамы и дети и пенсионеры) она выглядела таким черным обелиском. Или артефактом, случайно выпавшим на землю из пролетающего мимо инопланетного корабля. Ну, или, по крайней мере, актрисой, сбежавшей со съемочной площадки прямо в том образе, который придумал ей полусумасшедший режиссер авторского кино, чей замысел доступен лишь избранным зрителям...

Да, подруга Даши была женщиной во всех отношениях видной.

Во-первых, Варвара отличалась довольно высоким ростом. А также крупным телосложением, создававшим определенные неудобства при пользовании общественным транспортом. Варвара неоднократно застревала в валидаторе при попытке войти в троллейбус или в турникете, когда пыталась протиснуться сквозь него в метро. Золотой Варвариной мечтой была покупка своего авто. Большого и удобного!

Во-вторых, Варвара обожала готический стиль. Но, поскольку готичной одежды на женщин таких размеров не шилось, она творила свои наряды сама. Как умела. Черная юбка с кантом аспидно-черных кружев и бахромы, черный жакет, больше напоминающий накидку для катафалка, какая-то немислимая черная шаль... И серебро. Много серебра – ну, или металла серебристого цвета. Длинные цепи горизонтально лежали на Варварином бюсте, массивные серьги провисали до плеч, потрясали воображение килограммовые браслеты и гигантские перстни, коими, наверно, можно было воспользоваться при желании как кастетом...

В-третьих, у Варвары был свой собственный, свежий и неизбитый взгляд на искусство макияжа. Цвет помады, лака для ногтей, тон пудры, оттенки теней для век, толщина подводки бровей – все отличалось оригинальностью и слегка озадачивало прохожих.

Волосы у Варвары были перекрашены в антрацитовый цвет (кажется, именно такой оттенок имеет поднимаемый шахтерами из недр земли уголь), отличались толщиной, густотой, длиной, прямизной. Прекрасные волосы! Хотя, если честно, они больше напоминали парик из конских хвостов.

Обувь. Вот с обувью была проблема... Будучи дамой крупногабаритной, Варвара страдала ногами. Могла носить только кеды. Обычные кеды на белой резиновой подошве, со шнурками...

А еще она курила сигары – настоящие сигары, размерами напоминающие краковскую колбасу. С сигарами было все просто – их Варваре присылала ее родственница, еще в далекие советские годы отбывшая на родину своего мужа, верного соратника Фиделя Кастро.

Некоторые принимали Варвару за сумасшедшую. Ходят же такие по московским улицам – безобидные, смешные создания... Но Варвара таковой не являлась.

Даша это знала точно, поскольку уже лет пятнадцать общалась с ней. Сначала в институте, где они обе учились на филологическом, затем на киностудии. Варвара и Даша работали там сценаристами. Вернее – не сценаристами даже, а теми, кто перекладывал западные мыльные оперы на отечественный лад. Дело в том, что «их» и наши реалии не всегда совпадали.

Даша с Варварой творили из гольфиста Джона нашего дядю Ваню, обожающего дворовый футбол, а тетюшку Милли из Оклахомы превращали в тетю Марусю из Житомира, чья речь отличалась приятным малороссийским акцентом.

Так вот, за эти годы Даша успела узнать, что Варвара – человек здравого ума и жесткого характера. А черные накидки с серебряными булжниками на пальцах – так, проявление индивидуальности, не больше.

Да, еще одно небольшое отступление – Варваре недавно исполнилось тридцать девять лет (она была на три года старше Даши). И, как и Даша, ни мужа, ни детей не имела.

... Тем временем Варвара продолжала плавной, пружинящей походкой (благодаря кедам) прогуливаться на фоне ограды, куря сигару и черной бахромой подметая тротуар. Мамаши с детьми таращились на нее, пенсионеры опасливо обходили стороной.

– Варвара, прости... Я опоздала! – подбегая, совестливо вздохнула Даша.

– Да ладно... – хмуро ответила подруга. – Хотя могли бы и в кафе посидеть.

– Какое кафе! Погода – чудо, настоящее бабье лето... – Даша ухватила Варвару за локоть и потащила в парк.

– До лампочки мне это лето... – Варвара выпустила кольцо дыма, своими размерами напоминающее автомобильное колесо. – Мне главный велел диалоги переписать. Говорит – не смешно.

– Я тебе помогу.

– Ладно, ловлю на слове!

Они свернули с шумной аллеи на тихую просеку.

Подул легкий ветер – с берез полетели листья.

– Секунду, мне надо срочно сфотографировать... – Даша защелкала фотоаппаратом.

Варвара критично посмотрела на нее:

– А зачем тебе эти березы? Для каких, так сказать, нужд?..

– Для сугубо утилитарных, – ответила Даша, пытаясь найти подходящий кадр. – Черт, да как эту вспышку убрать?..

– Дай-ка. У меня такой же. Сюда жми, потом сюда. Ясно?

– Мерси... Понимашь, у меня на компьютере должна быть определенная заставка, – принялась объяснять Даша. – Соответствующая времени года. Если лето – так лето, весна – так весна...

– Скачала б из Интернета!

– Нет, не то. Пейзаж должен быть тот, который я действительно *видела*. Сама!

– Зачем?

– Не знаю. Возможно, я теряю чувство реальности – с этими дурацкими мыльными операми...

– А, – без всякого энтузиазма отозвалась Варвара. Потом добавила: – Тебе замуж давно пора, Дарья.

– А тебе? – усмехнулась Даша.

– Нет, я не хочу. А вот тебе надо. За этого твоего... восточного принца.

– Никакой он не восточный, они сто лет в Москве живут!

Неподалеку возвышалась стена полуразрушенного павильона, покрытая выющим растением. Листья – желтые, зеленые, ярко-красные – сразу бросались в глаза.

– Иди сюда, тут дикий виноград... Впечатляет! – позвала Варвара и достала из складок бархатного черного кошель на цепях вместо ручек точно такой же, как у Даши, фотоаппарат. – Пожалуй, я тоже себе заставку сделаю...

Подруги принялись сосредоточенно фотографировать дикий виноград.

Восточный принц... В самом деле, у Марата Курбатова были какие-то восточные корни. В первый раз Даша увидела его в метро.

Он сидел в полупустом вагоне напротив нее. Юноша бледный со взором горящим... Черное пальто, черные волосы, черные глаза. *Ego* черный цвет, в отличие от Варвариного черного, был мягким, даже теплым – как летняя ночь.

Глаза прозрачные, сияющие – глаза итальянок с картин Брюллова. И еще он был похож на диковинное растение.

Наверное, нельзя мужчину сравнивать с цветком, но в первое мгновение Даша сразу же сравнила Марата именно с цветком – потому что им нельзя было не любоваться. При этом – ни капли женственности, но бездна нежной хрупкости...

Да, ко всему прочему Марат сжимал в руках футляр со скрипкой. Какие пальцы – тонкие, длинные, сильные!

Белоснежные манжеты, тонкие запястья. Кожа – словно персик. Полупрозрачная оболочка, под которой – тягучий мед.

Даша смотрела на Марата и не могла оторвать глаз. В ее любовании не было ни капли кокетства – она была просто заворожена. К тому же ее возраст – тридцать шесть, а возраст этого черного ангела – едва ли более двадцати, о каком кокетстве речь...

Но он заметил ее взгляд, щеки слегка вспыхнули, дивные глаза заблестели еще сильнее, дрогнули смоляные ресницы...

Он принял ее взгляд буквально, как призыв, и на следующей остановке вышел вслед за ней.

– Я – Марат. А вас как зовут? – тихо, очень серьезно, очень вежливо спросил он. Длинные пальцы в это время терзали футляр – значит, нервничал. Нежный и отважный.

– Меня? Дарья Михайловна я... – растерянно брякнула Даша. Потом опомнилась, улыбнулась: – Можно просто – Даша.

И все. И покатилось...

Какая разница, что ей – тридцать шесть, а ему – двадцать два всего! В конце концов он же не дурак, видел, что она не девчонка...

Он любил ее так нежно, сильно и самоотверженно, что плакать хотелось.

Поначалу его родители к связи сына относились снисходительно (мать – исполнительница старинных романсов, отец – известный волейбольный тренер), но потом, когда Марат заявил, что намерен жениться, моментально развернули боевые действия.

Их мальчик никогда не женится на женщине старше его, к тому же невеста у Марата уже была – некая пигалица по имени Джульетта, сосватанная ему чуть ли не в младенчестве.

Марат, при всей своей цветочной хрупкости, обладал железным характером. Только Даша. И никаких Джульетт!

Хотела ли сама Даша стать женой Марата? И да, и нет. Она была в том возрасте, когда еще мечтают о счастье. И в то же время уже понимают, что вряд ли оно возможно.

– ...Иди сюда! – позвала подругу Варвара, тоже не на шутку увлекшаяся фотографированием осенних листьев. – Здесь такие роскошные кусты...

У Даши зазвонил сотовый.

– Подержи пока... – Даша сунула Варваре фотоаппарат, отошла в сторону. – Алло.

– Только через мой труп! – Рыдающий голос исполнительницы романсов резанул Даше ухо. – Я не отдам моего мальчика... Только через мой труп! Мы увезем его, мы спрячем его от тебя!..

«Все ясно, – мрачно подумала Даша и отключила телефон. – Шоу продолжается!»

– Кто звонил?

– Неважно... – отмахнулась Даша.

Варвару было невозможно обидеть.

– Слушай, как есть хочется... Ты чувствуешь? – Она повела носом. – Дымком пахнет... Может, по шашлычку? Даша!

– Ладно, по шашлычку! – усмехнулась Даша.

Как уже говорилось, Варвара, при всей своей тяге к готическому и демоническому, была абсолютно земной женщиной.

– Мне готовить совершенно некогда... И не умею я! – приняхиваясь, сосредоточенно бормотала Варвара. – А тут, понимаешь, все уже готовое...

– Ты себе желудок испортишь. С этими своими кафе, шашлычными...

– Ой, Парщикова, перестань! – огрызнулась Варвара. – Не будь занудой.

В кафе случился небольшой инцидент – после того как был съеден последний кусочек мяса, Варвара закурила свою знаменитую сигару. Публика начала протестовать.

– Тьфу на вас тыщу раз! Даш, пошли отсюда...

Сигару докуривали в стороне, у фонтана.

– Нет, все-таки бестолковый у нас народ! – громогласно возмущалась Варвара. – Это ж настоящая гаванская сигара... Такие в магазине – пятьдесят долларов штука. Сидели бы и вдыхали бесплатно...

У трамвайной остановки Даша с Варварой простились.

– Ну все, до понедельника... И не забудь – ты мне помочь обещала! – влезая на подножку, крикнула Варвара. – Елки зеленые, опять я за эту дрянь зацепилась... Ну ничего, скоро у меня персональный кабриолет будет!

– Что? Что случилось? – снизу закричала Даша.

– Вечная проблема! Сумка зацепилась за железку... – Пыхтя, Варвара наконец сумела пробраться вперед.

Даша помахала вслед трамваю.

Уже стемнело, зажглись фонари.

На улице, где днем шумела ярмарка выходного дня, ветер перекачивал мусор, сосредоточенные дворники в оранжевых робах дружно приступили к работе.

Даша свернула в сторону и через некоторое время оказалась у набережной. Внизу многоэтажного дома светился огнями парфюмерно-косметический магазин.

Некоторое время Даша колебалась (час был довольно поздний, да и дома ее ждала работа), но потом махнула на все рукой.

Она вошла внутрь, с наслаждением вдохнула пропитанный сладкой химией воздух.

Это была ее стихия. Ее утешение. Ее лекарство.

С ходу положила в корзину бутылочку с жидким мылом. Затем спрей для волос, придающий им блеск. Потом минут двадцать обсуждала с девушкой-консультантом помаду – какой цвет, какой фирмы выбрать. Матовую или перламутровую? Устойчивую или увлажняющую? Выбрала, наконец. Лак для волос – обязательно. Старый уже почти кончился. И молочко для снятия макияжа – тоже... Надо бы не забыть и тоник. Да, и у Людочки из бухгалтерии на следующей неделе день рождения, надо купить ей подарок – вот этот чудесный набор для ванной. А это что? А это зачем? А надо? Да-да, надо обязательно! И хорошо бы купить эту тушь, тем более скидка на нее 30 процентов...

– Мне какой цвет больше идет – этот или тот? – для сравнения Даша раскрасила щеки румянами разного оттенка.

– Пожалуй, вот этот... – сосредоточенно хмурилась молоденькая консультантша, приседая от усердия. – Поверните голову. Теперь в другую сторону...

Как уже упоминалось, Даша любила косметику как таковую. Любила покупать ее... Ну, и еще с ее помощью пыталась немножечко скрыть свой возраст, совсем не девичий, надо сказать.

Из зеркала на нее смотрела довольно молодая женщина. И, кажется, довольно симпатичная. Невысокого роста, худощавая, с длинными вьющимися рыжевато-каштановыми волосами. Глаза карие, кожа светлая, с чуть желтоватым оттенком. Морщин практически нет. Родинки –

две на правой щеке, одна чуть ниже правого угла губ... Вопрос о родинках был мучительным на протяжении долгих лет. То ли они идут ей, то ли, наоборот, портят?..

– Девушка, а сколько бы вы мне дали лет? – Даша, не выдержав, снова прицепилась к консультантше. – Только честно!

Консультантша растерялась.

– Ну, я не знаю... Это вопрос очень интимный...

– Только честно! – напирала Даша.

– Ну, я не знаю... – несчастная побледнела, потом покраснела. И неуверенно выдавила из себя: – Лет тридцать...

«Тридцать! – ужаснулась Даша. – Скажет она мне правду, как же... Если она говорит – тридцать, то, значит, я выгляжу на все сорок!»

– Хотя нет, – чуть уверенней произнесла консультантша. – На вид вам, ну... Лет двадцать восемь!

«Двадцать восемь...» – опечалилась Даша. Она хотела услышать совсем другие цифры.

– А в общем, если не вглядываться, вам больше двадцати и не дашь! – наконец уверенно воскликнула девушка. – Особенно если в темноте...

Даше стало немного легче, хотя она не верила ни единому слову.

– Отлично! – просияла она. – А теперь помогите подобрать мне ночной крем для лица, только, умоляю, не слишком жирный...

Слегка обалдевшая, потерявшая чувство времени и пространства, Даша наконец вывалилась из магазина – за одну минуту до его закрытия. Поздний вечер воскресенья. Никого...

Перехватывая из руки в руку тяжелый пакет (люди картошку в таких количествах покупают!), Даша вдоль набережной побрела к мосту.

Было тихо, лишь изредка на большой скорости проезжали мимо машины.

Фонари отражались в черной воде, ветви деревьев с еще густой, плотной листвой низко нависали над чугунным парапетом.

Чьи-то шаги.

Сначала Даша не обратила на них внимания, но потом, когда промчалась очередная машина и вновь наступила гулкая тишина, звук шагов заставил ее насторожиться.

Даша оглянулась, но никого не увидела. Фонари в кронах деревьев, громады подсвеченных билбордов возвышаются надо всем, дома чуть в отдалении, на другой стороне улицы...

Даша снова пошла вперед и опять слышала шаги. Мужские или женские? Непонятно.

Она прибавила шаг. Потом сбавила. Снова оглянулась. Какие-то тени мелькнули позади...

«Господи, господи! – испугалась Даша. – А вдруг это маньяк?! Крадется за мной... Вот дурак! Принял меня за молоденькую...»

Именно сейчас Даше вдруг нестерпимо захотелось выглядеть почтенной пожилой матроной – на таких уж точно ни один маньяк не набросится! Она совершенно некстати вспомнила слова простодушной консультантши о том, что в темноте ее можно за девочку принять...

Даша на ходу достала телефон и тут с тоской обнаружила, что аккумулятор разрядился. «Вот дурочка! Надо было утром не о фотоаппарате думать, а о телефоне!» – мелькнуло в голове.

Она засунула бесполезный телефон обратно в сумочку. Сердце колотилось как бешеное.

Даша подняла голову и увидела полную луну, выплывшую из облаков. «В полнолуние у психов случается обострение...» – неожиданно вспомнила она.

Шаги сзади сделались быстрее.

Впереди уже маячил мост.

Даша также очень кстати вспомнила фильм всех времен и народов – «Молчание ягнят» с Джоди Фостер. Отличная актерская игра, тонкий психологизм. А как был хорош Энтони

Хопкинс в роли Ганнибала Лектора, как убедителен – особенно когда набрасывался на людей и начинал их методично потрошить...

Даша не выдержала, тихонько взвизгнула и, прижимая пакет к груди, помчалась к мосту, надеясь, что там, на другой стороне набережной, будут люди. По крайней мере, есть надежда, что на людях маньяк станет вести себя благоразумней!

Она взлетела на середину моста, оглянулась.

Никого.

Прохладный вечерний воздух ударил в лицо, слегка охладил пылающие щеки.

«А с чего я, собственно, взяла, что это маньяк? И что ему нужна именно я?» – с досадой подумала Даша, находясь на высокой, со всех сторон освещенной площадке.

Ругая себя почему зря («Паникерша! Сама ненормальная!»), Даша спустилась с моста на другую сторону реки, еще раз оглянулась. Никого. Лишь стремительно мчатся по другому берегу машины.

Она принялась подниматься по лестнице вверх – ее дом стоял на холме. Поднялась, затем, не оглядываясь, зашагала вдоль сплошной стены «ракушек». До подъезда теперь было рукой подать. Правда, темно тут...

И вдруг она снова с ужасом уловила в шелестящей темноте звук шагов. Тех самых.

Даша оглянулась. Чей-то силуэт мелькнул сзади.

Потом...

Что произошло дальше, Даша не слишком хорошо запомнила – от нестерпимого страха она словно потеряла способность думать и чувствовать, словно оцепенела...

Кто-то подбежал к ней, толкнул, сорвал с плеча сумочку и стремительным черным сгустком пролетел мимо.

Еще мгновение – и Даша уже обнаружила, что стоит среди гаражей уже без сумочки и пакета.

Впрочем, пакет с косметикой она уронила сама.

– Ой, мама... Ой, мамочки... – застонала она. Руки, ноги, все тело было словно свинцом налит.

Даша без сил опустилась вниз, села прямо на асфальт и заплакала.

И, все еще плача, в темноте сгребла свои покупки, сложила их кое-как обратно в пакет. Левое плечо слегка ныло от удара.

– Сволочь... Нет, ну какая сволочь!

Даше было не столько обидно – обидно и страшно, сколько стыдно и горько. Она одна. Одна как перст. Никто ее не встретит у дома, никто ее не ждет. Никто не спешит ей на помощь...

Марат? У нее и его отнимают...

Отверженная. Ничейная. Ненужная.

Давясь слезами, Даша кое-как доковыляла до дома, поднялась на лифте на свой этаж.

В квартире захлопнула за собой дверь, бросила пакет в угол, сорвала с себя плащ, безнадежно испачканный.

«И что теперь? Проглотить все это? – неожиданно разозлилась она. – Ну уж нет!»

Даша взяла трубку городского телефона и принялась ожесточенно тыкать кнопки.

– Аллю, милиция? На меня совершено нападение!

– Адрес, пожалуйста...

– Адрес? Сейчас! Вы понимаете, на меня напал маньяк. Чудом жива осталась... У нас по району убийца разгуливает!

– Убийца?

– Да, маньяк-убийца!

Даша кое-как продиктовала адрес, потом принялась объяснять, что именно произошло.

Кажется, оператор на том конце телефонных проводов была не в восторге от того, что ее беспокоят по такому пустяковому поводу.

Но Даша была уже вне себя от ярости. Она сознательно увиливала от прямых вопросов, всхлипывала, твердила одно – маньяк, убийца! – и так запутала ситуацию, что женщина-оператор в конце концов вздохнула и пообещала, что «ладно, к вам сейчас подъедут».

Только тогда с чувством удовлетворения Даша положила трубку. Ей стало немного легче – от того, что не стала молча глотать обиду, а предприняла все для того, чтобы поймать негодяя, укравшего у нее сумочку.

Она ушла в ванную стирать плащ.

– Надо же, мазут, что ли? – Она разглядывала густые черные пятна на светлой ткани. – И чем эту дрянь теперь вывести?!

Она так увлеклась стиркой, что не услышала звонка в дверь.

«Звонят? Приехали? Так быстро?.. – она кинула взгляд на часы. – И кто-то еще ругает нашу милицию – всего-то через пятнадцать минут подъехали!»

Даша бросила плащ обратно в ванную и бросилась открывать входную дверь.

На пороге стоял мужчина в костюме, с папкой в руках. Сзади маячили еще двое – в милицейской форме.

– Вызывали?

– Да. Проходите, пожалуйста... – Даша вытерла мокрые руки о джинсы и пропустила всех троих внутрь.

– Капитан Кедров... – скороговоркой произнес мужчина в костюме и той же скороговоркой еще что-то присовокупил к своему званию и фамилии – что именно, Даша не разобрала. Про какое-то там УВД какого-то там округа... – Кого убили?

– Что?

– Я говорю – что произошло? Где труп?

– Труп – это я. Вернее, я чуть не стала трупом! А вы следователь? Сейчас все расскажу... Располагайтесь! Нет, вот сюда, за стол... – и Даша, усевшись напротив капитана, принялась подробнейшим образом, боясь упустить что-то важное, рассказывать свою историю – начиная с того момента, как она вышла из парфюмерно-косметического магазина.

Сначала ее слушали с интересом, потом лица прибывших начали заметно скучнеть.

– Руслан, мы не нужны пока? Выйдем, ладно?

– Ладно... – кивнул Кедров двум сопровождавшим его милиционерам. Они вышли на лестничную площадку. Один сказал что-то другому, тот засмеялся. Потом потянуло густым табачным дымом...

– Вы меня слушаете, капитан? – строго спросила Даша.

– Да, я слушаю вас, Дарья Михайловна. – Капитан Кедров быстро писал что-то в своей папке. Лицо у него было бесстрастное, абсолютно ничего не выражающее. Не лицо, а маска. – В котором часу произошло ограбление?

– Вы думаете, я смотрела на часы? – обиделась Даша. – Я была в шоке, меня всю трясло...

– Ну, хотя бы примерно, – следователь потер глаза.

– Сейчас соображу... Я вышла из магазина перед самым закрытием, то есть почти в десять вечера, потом направилась к набережной... Вот там-то я и почувствовала неладное!

– Значит, ограбление произошло в начале одиннадцатого... – Кедров склонился над блокнотом.

– Что вы там пишете? Зачеркните немедленно! – переполошилась Даша, вытянув шею. – Зачеркните!

– А в чем дело?

– Вы все неправильно пишете! Ограбление произошло не в начале одиннадцатого, в начале одиннадцатого я только-только оказалась у реки...

Капитан, не поднимая головы, жирно перечеркнул несколько строчек.

– А когда? – бесстрастно спросил он.

– Сейчас, не торопите меня, я не могу сосредоточиться... Вдоль набережной я шла. Да. Потом слышала шаги и побежала.

– Долго бежали?

– Минуту... Или две? Нет, все-таки минуту. Или две?

– Пусть будет полторы.

– Да, да, полторы! – Даша засмеялась нервно, вытерла набежавшие на глаза слезы. – Взлетела на мост. Оглянулась, постояла...

– Сколько?

– Что?

– Сколько на мосту стояли? Опять полторы минуты?

– Нет, буквально пару секунд! Потом на другую сторону, и по лестнице вверх. Там у нас гаражи. И вот там-то, за гаражами, этот маньяк и напал на меня!

– Маньяк? Так маньяк или грабитель?

– Маньяк-грабитель! – с ненавистью произнесла Даша. – Толкнул меня и схватил сумочку...

– Стоп-стоп-стоп, – следовательно опять потер глаза. – Значит, ограбление все-таки произошло в начале одиннадцатого?

– Что? А, выходит, да... – растерянно произнесла Даша.

Капитан вновь методично принялся что-то записывать в свой блокнот. Затаив дыхание, Даша ждала.

– Приметы? – не поднимая глаз, спросил он.

– Чьи?

– Приметы грабителя.

– А-а... Человек в черном.

– Рост, тип телосложения, волосы...

– Не знаю! Я даже не поняла, какого он роста! – в отчаянии ломая пальцы, воскликнула Даша. – И не уверена, что он был в черном... Так, сгусток некой черной материи, нечто inferнальное, воплощенное зло... Это не человек даже! – с ненавистью заключила она.

– Не человек. Inferнальный сгусток. Вас ограбил inferнальный сгусток. Я правильно записываю? – не поднимая головы, холодно спросил капитан.

– Издеваетесь? – Голос у Даши задрожал. – Я в переносном смысле!

– Пишу – че-ло-век... ну хоть мужчина или женщина? – В голосе капитана в первый раз проскользнула скрытая издевка.

«Солдафон. Мужлан. И какого лешего я связалась с этой милицией...» – с бессильной досадой разглядывая своего визави, подумала Даша. Руслану Кедрову было около сорока или чуть больше того. Сухощавый, невысокий, коротко стриженный. Волосы неприятного мышинного цвета – вероятно, от природы пепельно-темные, они слишком рано поседели. Невыразительное, обычное лицо. Цвет лица – желтовато-серый какой-то, веки покрасневшие, припухшие. «Пьет, наверное!» – презрительно заключила Даша.

– Что вы молчите?

– Это был мужчина, – отчеканила она.

– Вы уверены?

– Да. Абсолютно.

– Ладно, хоть с этим разобрались... – пробормотал Кедров. – Что было в сумочке?

– Носовой платок. Пудреница – «Кристиан Диор», между прочим. Помада... Ну, помада так, дешевенькая, мидл-класс...

– О господи, – едва слышно прошептал капитан.

– Еще зонтик. Ключи...

– Как же вы вошли в квартиру? – хмыкнул Кедров.

– А у меня вторые ключи были, в кармане, – ответила Даша: ключи и в кармане, и в сумочке одновременно она выносила из дома не первый раз.

– Паспорт?

– Д-да, был... Ой, блин, теперь же еще с паспортом возни! – схватилась Даша за голову.

– Замки смените, немедленно. Что еще в сумочке было?

– Ручка, записная книжка – я туда свои мысли записываю, на память нельзя надеяться... Знаете, придет иногда свежая идея... – расстроено забормотала Даша. – Хотя вру! – оживилась она, увидев записную книжку прямо перед собой на столе: обложка из красной кожи под рептилию, переводная картинка – смешной кротик из детского мультфильма... – Слава богу, я не брала ее с собой...

– Кошелек? – сухо перебил капитан.

– Был.

– Сколько денег?

– Тысяч пять... нет-нет, не пишите! – замахала руками Даша. – Зачеркните все! В кошельке была только мелочь, ну, и пара десятков... Я ведь все деньги истратила перед этим в парфюмерном! Я же говорю – склероз...

Капитан в первый раз поднял на Дашу глаза – льдисто-серые, тоже невыразительные.

– Вы ничего не путаете? – неприятно спросил он. – Пять тысяч – на косметику?

– Ну да... А что?

– Нет, ничего. Значит, у вас украли сумку с косметикой на сумму примерно пять тысяч рублей. Пишу...

– Опять вы все не так поняли! – теряя терпение, закричала Даша. – Косметику у меня не украли, я потратила на нее все деньги, а пакет уронила там, за гаражами, когда этот изверг меня толкнул...

– Но вы же сами, Дарья Михайловна, только что сказали, что в сумочке у вас был этот... Кристиан Диор, или чего там еще...

– У меня косметика была везде – и в сумочке, и в пакете! И то, что выпало из пакета, я потом собрала...

Капитан ошалело всмотрелся в Дашино лицо.

– Зачем вам столько этого барахла? Вроде вполне нормальная женщина, без видимых дефектов... – пробормотал он. Впрочем, через мгновение его лицо вновь приняло официальное выражение.

– Спасибо за комплимент! – язвительно скривилась Даша. Мужлан, он и есть мужлан!

– Вы вызвали меня затем, чтобы сообщить о пропаже двадцати рублей и пудреницы? – Капитан бросил ручку в сторону.

– А что вам не нравится? Преступление – оно и есть преступление! – Даша решила наступать. – Какая разница, сколько у меня украли... На меня напали! В темноте! Толкнули! И сумка кожаная, не дерматин какой-то...

Руслан Кедров некоторое время молчал, глядя на Дашу своими рыбьими глазами. Потом тихо произнес:

– Ограбления – не мой профиль. Я из убийного отдела, к вашему сведению... На мне тридцать дел висит в данный момент. Очень серьезные преступления, между прочим. Сегодня днем, например, произошло убийство. Убили женщину. Зарезали в собственной квартире, выпотрошили, словно поросенка... Кровь даже потолок забрызгала. А вы!... – Он стиснул зубы.

– В сумочке был еще фотоаппарат... – растерянно пролепетала Даша. – Цифровой. Совершенно новый. Дорогой!

– Какого хрена... – Кедрова весть о пропаже фотоаппарата совсем не взволновала. – Делать вам, что ли, нечего, дамочка?! О люди... – он потер кончиками пальцев виски, мучительно сведя брови.

– У вас голова болит? – робко спросила Даша. – Может быть, таблетку...

– Да идите вы со своей таблеткой! Никто не хотел к вам ехать, один я, как дурак, мчусь к вам и слушаю эти бредни про пудреницу... Могли бы сами прийти в отделение! Написали бы заявление, приняли бы его у вас, никуда не делись – с вашей-то настойчивостью! Чего вы там по телефону лепетали о каком-то маньяке?..

– А что вы на меня орете? Куда это я пойду, на ночь глядя? Я даже не знаю, где оно, ваше отделение! – Даша не думала сдаваться. История о зарезанной женщине, конечно, поразила ее, но что ж теперь, позволить грабителям шастать в темноте?! – Я одна. Совсем одна! Меня даже защитить некому!

– Ничего, проживете без пудреницы.

Привязался он к этой пудренице!

– Вы не понимаете! – Слезы брызнули у Даши из глаз. – Мне тридцать шесть лет, и я совершенно одна, одна как перст! Я никому не нужна, я... я очень несчастна!

Даша уже собралась поведать капитану печальную историю о ее романе с Маратом Курбатовым, но тот не дал ей и словечка произнести.

– Вы – несчастная?.. – прошипел он, бледнея. – Вы – несчастная?!

– Да!

– Несчастливая она... А я кто тогда? У меня жену убили год назад. Вы понимаете, Дарья Михайловна? Жену! Родного человека, с которой я девять лет душа в душу...

– Кто убил? – тихо спросила Даша. Уж слишком много историй про убийства за один вечер...

– Урод какой-то! Стукнул по голове, прямо в висок!

– О господи... – Даша прижала ладони к щекам. Она вдруг почувствовала, что ее неприятности действительно ни в какое сравнение не идут с этим человеческим горем. – Простите...

– Что мне ваше это... Ее тоже хотели ограбить, вырвали из рук сумочку! Просто удар пришелся в висок...

– Вот видите! – заволновалась Даша. – Может, это тот же самый грабитель!

– Нет, – глаза капитана снова стали рыбьими, холодными, в них исчезло то человеческое, что прорвалось случайно. – *Того* уже поймали. И посадили. Бомж. Он не хотел убивать. Просто удар был неудачный, пришелся прямо в висок. Он умер через полгода в тюрьме.

– Это вы... отомстили ему, да? – шепотом спросила Даша.

– Нет. Туберкулез – последняя стадия. Его бог наказал, – спокойно произнес Кедров и захлопнул блокнот.

– Понима-аю... Бедный вы, бедный!

– Я в вашей жалости не нуждаюсь, Дарья Михайловна, – скучным голосом произнес капитан. – Будем оформлять заявление?

Даша ответила не сразу:

– Нет.

– А вот и напрасно! – злорадно фыркнул тот и снова открыл блокнот. – Будем! Мелочей в нашем деле нет... Он, конечно, ваш грабитель, особой опасности не представляет. Но тоже может неудачно стукнуть кого-то. Смерть – она всегда близко...

– Да, да! – горячо закивала Даша.

– Опишите сумочку...

– Черненькая такая, средних размеров.

– Черный человек, черная сумочка, черная ночь. Ищи-свищи ветра в поле... Если б вы все сразу дежурной объяснили, толком, мы бы еще тогда район стали объезжать, может, и

нашли бы вашего Мистера Икс... – покачал головой капитан. – Такие преступления только по горячим следам раскрываются. Ладно, сейчас все равно окрестности осмотрим. Но я ничего не обещаю...

– Спасибо вам! – с чувством произнесла Даша.

– Пожалуйста... – буркнул капитан Кедров и встал.

– У вас такая благородная работа... Не то что моя!

– Да? – равнодушно произнес тот, складывая блокнот в карман.

– Я, понимаете ли, сценарист... даже не сценарист, а так, переливаю из пустого в порожнее...

– Я бы не стал про пустое распространяться, ежели вы по пять тысяч на какую-то фигию... пардон.

– Мужчинам нас, женщин, не понять... – принужденно рассмеялась Даша.

Кедров пошел к выходу, локтем случайно смахнул с другого столика (рабочего, на нем еще компьютер стоял) несколько листов.

– Ничего-ничего, я подниму!

– Сценарии ваши? – равнодушно скрипнул Кедров.

– Нет, это как раз не сценарии, это я пьесу пишу, в свободное время, – поднимая с пола листы, принялась охотно объяснять Даша. – Я вообще много пьес написала, но их, к сожалению, никто не ставит, хотя я их шлю, шлю в театры и режиссерам знакомым... Так сказать, мое хобби. Нет, я все вру, пьесы – это моя жизнь, моя страсть, моя боль... А сценарии – так, чтобы с голоду не умереть!

– Ага... – буркнул Кедров, откровенно пропуская Дашины слова мимо ушей. – Ну все, дамочка, я пошел. По ночам не гуляйте, а то опять без пудреницы останетесь.

Даша захлопнула за ним дверь. Услышала, как Кедров с товарищами, прокурившими весь подъезд, посмеиваясь, загрузился в лифт.

Она осталась одна.

«А он ничего... Конечно, не красавец, простоват к тому же, грубоват, но...»

Дашино сердце тронула история о капитанской жене. Теперь ясно, почему Кедров все-таки приехал! Пытался спасти такую же несчастную. Жену не спас, так других женщин пытается спасти! «Действительно, настоящее „Молчание ягнят“ получается! Бедный, бедный!»

Даша вздохнула. На фоне катастроф и несчастий, творящихся в мире (то зарезали кого-то, то висок проломили!), ее сегодняшнее «приключение» показалось таким ничтожным, незначительным...

Она легла спать, а проснувшись утром, уже окончательно развеселилась. Набрала номер Марата – узнать, как у того дела.

– Алло... – отозвался бархатный полусшепот.

– Маратик! Милый, милый, а со мной вчера такое было... – залепетала Даша, зная, что нежный возлюбленный обязательно посочувствует ей, но ее надеждам не суждено было сбыться.

Трубку вырвал отец Марата, волейбольный тренер:

– Дрянь! Это ты? Чего ты к нашему мальчику привязалась?... Старуха! Ищи себе ровесников! – Выкрики старшего Курбатова напоминали команды, были жестки и конкретны. Конечно, он же спортивный тренер.

– Фу, как грубо...

– Мы тебе покажем кузькину мать! Ты у нас еще запоешь! Марат, не лезь... Не лезь, я кому сказал!.. – видимо, Марат пытался отнять у отца телефонную трубку.

Все напрасно... Даша нажала на кнопку «отбой».

Вышла в коридор, где валялся вчерашний пакет, наполовину порванный.

Из прорехи торчал флакон с шампунем розового цвета, горлышко было испачкано в грязи.

«И зачем я подобрала пакет? Неужели я спокойно смогу пользоваться этими вещами? Нет, нет... Я каждый раз буду вспоминать – о негодяе-грабителе, о собственной глупости!..»

И Даша, повинаясь внезапному порыву, выбросила содержимое пакета в мусорное ведро. Все эти баночки, пузырьки, коробочки, флакончики... «Не жалко! Новое куплю!»

Даша была женщиной с характером – коротка на расправу. Что не так – сразу вон. Это касалось не только вещей, но и людей. Мужчин.

Сколько их было, а все не те. Как только Даша понимала, что очередной ее кавалер – «не то», она безжалостно рвала с ним отношения. Зачем тратить время на человека, с которым не построишь счастливой совместной жизни? Жадина, зануда, грязнуля, маменькин сыночек, дурак, лентяй, пьяница... Такие не нужны!

Марат – вот чудо, вот идеал, но его двадцать два года и скандальные родители...

Внезапно Дашу словно током дернуло, и она распрямилась.

А что, если вчерашнее происшествие – дело их рук?

«Мы тебе покажем кузькину мать. Ты у нас запоешь!»

Они, точно – они...

Даша схватила телефонную трубку, чтобы высказать Курбатовым-старшим все, что она думает о них и их методах борьбы, но потом опомнилась. «А ведь они правы... Какое нас ждет с Маратом будущее? Даже если он пошлет свою Джульетту (ну и имечко!) к чертовой бабушке, даже если женится на мне... что у нас произойдет через несколько лет? Нет, нет, надо заканчивать эти отношения!»

Даша вымыла руки и села за компьютер. Вспыхнул экран – Чистые пруды летом, на поверхности воды плавают тополиный пух. Солнце, люди в летних одеждах... Пейзаж давно устаревший.

И заменить-то его теперь нечем – фотоаппарата с осенними картинками нет!

«Ну ничего, обойдусь, – Даша убрала Чистые пруды, оставила только бледно-розовый фон. – И фотоаппарат куплю новый, и сумочку... И косметику. Сколько приятных покупок! Во всем, даже самом негативном, можно найти положительные стороны...»

Зазвонил телефон.

– Дашка, не спишь? – это Варвара.

– Ой, Варенька, со мной вчера такое...

– Ты погоди. Ты помнишь, что ты мне обещала?

– Что?

– Помочь со сценарием, вот что, – хмуро произнесла Варвара. – Только не перебивай... – и она сразу же приступила к изложению проблемы. – В оригинале – в гости к семейке этих идиотов приезжает дядюшка Гарри из Алабамы. Они его тыщу лет знали... И вот этот дядюшка Гарри на старости лет признается, что он на самом деле пидор.

– Кто?

– Я извиняюсь... Ну, мужчина нетрадиционной ориентации то есть.

– И в чем проблема? Оставь этого Гарри геем. Вот ты послушай, что вчера...

– Как?! – возмутилась Варвара. – Ты что, забыла?! В нашем варианте дядюшка Гарри – это дядя Гриша из Мелитополя! И его играет Сан Саныч Батюшков, любимец всех российских женщин бальзаковского возраста! Ты что, хочешь разочаровать наших баб, да? И Сан Саныч, это уже известно, отказывается играть гея! И вообще... в этом ничего смешного нет! Трагичного тоже нет, но... Просто – не смешно!

– Сделай дядю Гришу вегетарианцем! – деловито предложила Даша. – Типа, он всю жизнь сало ел, а теперь признается, что тайный вегетарианец!

– С ума сошла... Этак мы часть аудитории потеряем – из тех, кто без сала жить не может! Редактор твою идею зарежет, я гарантирую.

– Тогда... ну, тогда сделай его подпольным буддистом... – вяло предложила Даша. – Или нет, этим, кришнаитом – дядя Гриша закутывается в оранжевую простыню, ходит по городу с бубном и завывает: «Харе Кришна, Харе Рама...»

– Не смешно! – рассердилась Варвара. – И потом, зачем оскорблять чувства верующих... Ты же знаешь, наш редактор помешан на политкорректности!

– Да, ты права... А что, если у нашего дяди Гриши из Мелитополя на старости лет проклянется дар экстрасенса? И он начнет предсказывать будущее – но так, немного не впопад... Это можно очень интересно и весело обыграть! И редактор будет доволен, и Сан Саныч артачиться не станет...

– Занятно, – пробормотала Варвара. – Молодец, Дарья... Но ты мне еще парочку идей подкинь – так, на всякий случай.

– Ох... У меня голова совершенно не варит! – нетерпеливо пожаловалась Даша. – Вчера со мной...

– Подруга, ты меня без ножа режешь! – возмутилась Варвара. – Обещала помочь, а сама – в кусты!

– Кстати, насчет кустов. Иду я вчера...

– Дашка!

– Варька!

Возникла напряженная пауза.

Наконец Варвара сухо произнесла:

– Ладно. Я буду сидеть и напряженно думать. А ты съезди на Казанский вокзал.

– С какой это стати?

– Бобров должен приехать, отдать деньги, которые у меня занимал. Он в Томилине живет, у матери... Возьми деньги, скажи ему, что он сволочь... нет, как-нибудь посильней его оскорби, чтобы убить его морально, раздавить, как букашку! – и спокойно возвращайся домой. Деньги потом мне передашь, при случае.

То ли никто лучше ей не попадался, то ли во всем был виноват специфический вкус Варвары, но кавалеры Дашиной подруги обыкновенно были сильно пьющими, запущенными мужиками из Подмосковья, обязательно с гуманитарным образованием. Философы. Этакие бородатые диссиденты, находящиеся в вечном разладе с миром и собственной душой...

– Почему бы Боброву не заехать к тебе самому? Он передаст тебе деньги, а ты собственноручно раздавишь его...

– Я его видеть не хочу, – мрачно произнесла Варвара. – Останется еще... Не выгонишь потом!

– М-да... Слушай, а как я его узнаю? – спохватилась Даша. – Я же его ни разу не видела!

– Рыжий такой, высокий. Не худой. Борода тоже рыжая, веником... Наверняка – в спортивном костюме. Грязном, я больше чем уверена. Морда опухшая. И бланш под глазом – он мне вчера по телефону сообщил, что с кем-то там подрался...

– Господи, Варька, ты мне описала типичного вокзального попрошайку! И бланш еще этот... Почему бы тебе самой с ним не встретиться?

– Ты мне друг или кто? – угрюмо спросила Варвара. – Обещала помочь...

– Я тебе со сценарием обещала!

– И не помогла! Одну идейку только подкинула, да и то какую-то жиденькую!

– Вымогательница...

Казанский вокзал был самым нелюбимым Дашиным вокзалом. Несмотря на все преобразования и архитектурные усовершенствования, там по-прежнему царила восточная безала-

берность, и надо было не терять бдительности. Милиция хоть и гоняла всяких асоциальных личностей, но они неизменно умудрялись просочиться обратно.

Стоя на платформе за ограждением, морщась и то и дела шараясь из стороны в сторону от подозрительных фигур, Даша ждала электричку, на которой должен был прибыть гражданин Бобров.

– Те-ээтенкэээ, памагите чем смооо...

– Иди отсюда!

– Ай, какой красивый дэвушк... Кого ждем?

– Иди отсюда!!!

– Дама, будьте любезны, скажите, пожалуйста...

– Иди отсюда!..

– Господи, какие вы, москвичи, злые! Ведь только спросить хотела, где тут выход в город!

Нет, ну совсем они тут озверели...

Дашу слегка трясло, и она проклинала Варвару на чем свет стоит.

Наконец точно по расписанию прибыла электричка, на которой должен был приехать Бобров. Повалила толпа.

Тщетно Даша вглядывалась в лица – ни одной рыжей бороды веником.

Прошло пятнадцать минут. Толпа иссякла. Объявили посадку – повалила очередная толпа, теперь уже в обратную сторону. «Где же он, Варькин кавалер?! Надо позвонить ей, уточнить время... Может, она напутала чего-то?»

И тут Даша вспомнила, что телефон тоже был в украденной сумочке!

– Даша! – голос женский, сильный, доброжелательный, очень знакомый – раздался сзади.

– А?.. – Даша, раздосадованная пропажей и телефона ко всему прочему, обернулась и увидела среди толпы Наталью. Наталью, сводную (по отцу) сестру.

– Дашка, глазам своим не верю... Ох, надо же!

Они бросились обниматься. Даша тут же забыла о своих потерях. От Натальи пахло дорогими горькими духами, хорошим кофе, сладковато-нежно, едва-едва – кожей. Ну да – кожаная куртка, кожаная сумочка через плечо – все отличного качества, дорогое.

– Дашка... Что ты тут делаешь? Уезжаешь или приехала?

– Нет, надо было кое-кого встретить, но не получилось... А ты?

– А я из Бронниц, смотрела, как там объект строится...

Наталья была архитектором, и довольно успешным.

– Ох, Наташенька, сто лет не виделись... – Даша еще раз расцеловала сестру. – Как дети?

– Слава богу... Ну, конечно, не все слава богу, – улыбаясь, тут же оговорила Наталья. –

Но ничего смертельного нет.

– А что? – испугалась Даша.

– У Светы сильный трахеит, кашляет... Но я же говорю – не смертельно. А Игорь с Никиткой – тьфу-тьфу-тьфу! – не болеют.

У Натальи было трое детей. По нынешним временам – мать-героиня!

– За ними кто сейчас приглядывает? Муж?

– Что ты! Борис с ними не справится! – засмеялась Наталья. – У них нянька. Уже давно...

Фелица Юрьевна – мировецкая старуха! Ну пошли, пошли отсюда, нечего посреди толпы торчать...

Они выбрались на Комсомольскую площадь. Помимо сумочки, у Натальи был изящный кофр на колесиках.

– Тяжело? Помочь?

– Нет, ерунда! Само же катится...

– Ты почему не на машине?

– Сломалась, сейчас ремонтируют. Завтра из сервиса заберу.

– А-а...

Наташа бегло оглядела ряд припаркованных у дороги такси.

– На метро быстрее! – напомнила Даша. – И сейчас не час пик, хорошо...

– Я ж не на московскую квартиру, а на дачу, – покачала головой Наталья. – Сейчас оденут меня как липку... ну да ничего, уж очень не хочется снова в электричке... Даша! – решительно воскликнула она.

– Что?

– Мы ж почти не видимся... Приезжай к нам. Мы целый месяц на даче собираемся жить. Доктор Светке посоветовал...

– Ну я не знаю... – смутилась Даша. – Как-то неудобно...

– Глупая! У нас два этажа, куча комнат... Ты никого не стеснишь! Дворец – я сама его проектировала! Оценишь...

– А Борис, дети...

– Они будут только рады! Родная тетя приедет погостить... – Наталья тыльной стороной ладони погладила Дашу по щеке. – Как?

– У меня работа, и вообще...

– Знаю я твою работу! Возьми ноутбук, будешь на природе работать... Есть Интернет, телефон, факс, да что угодно... все есть!

– Нет, – Даша почему-то артачилась. Трое детей...

– Я обижусь, – холодно, даже жестко произнесла Наталья. Она, как никто другой, могла быть и мягкой, и настойчивой.

– Я подумаю, – сказала Даша. – Нет, правда...

– Я сама тебе позвоню. Завтра или послезавтра. И все, никаких отговорок...

– Маша тебе не звонила?

– Ты мне зубы не заговаривай! – усмехнулась Наталья. – Маша... Нет. Письмо написала, месяц назад. У них все хорошо.

Маша была третьей сводной сестрой, опять же по отцу. Жила она далеко, во Владивостоке.

– Я приеду к вам, Наташ, честное слово...

– Ну, смотри! – жестко усмехнулась Наталья. Поцеловала Дашу в щеку. – До встречи... Мои там, наверное, уже с ума сходят!

– Всем привет!

Наталья быстро зашагала к дороге. Даша смотрела ей вслед. Сестра сразу же выбрала самого лучшего таксиста (только Наталья умела так сразу разбираться в людях, вещах и услугах!) – и по каким только признакам, вот бы знать... Стремительно договорилась о цене – вот уже таксист помогает ей сложить кофр в багажник. Даша такими способностями – видеть все и всех насквозь – не обладала.

Через минуту такси уже сорвалось с места.

Даша еще раз помахала ему вслед.

«Съездить к ним правда, что ли?» – задумалась Даша, спускаясь в метро.

...История семьи была банальна и оригинальна одновременно.

Дашин отец – человек стихийный и непостоянный – на одном месте долго усидеть не мог. Поучаствовал в рождении Даши, а потом скрылся в неизвестном направлении.

Лет в шестнадцать Даша случайно узнала, что у нее есть сводная сестра. Ровесница! Именно потому матери Даши и Натальи когда-то сделали неутешительный вывод, что бывший возлюбленный крутил романы с ними обеими одновременно...

Женщины по этой причине сдружиться не смогли, а вот Даша и Наталья встретились, обрадовались друг другу и стали пересекаться довольно часто. Но потом Наталья вышла замуж,

стала активно учиться, рожать и делать карьеру (все – одновременно, ибо к чему терять время!) – и встречи стали очень редкими. Перезванивались иногда – на дни рождения и Новый год...

Позже нашлась и третья сестра – Маша. Правда, Маша жила во Владивостоке, очень далеко. Наталья и Даша, столкнувшись несколько лет назад (тоже случайно, вот как сегодня), с грустным смехом обсуждали папашины подвиги. Если поискать, то, наверное, можно еще нескольких сестричек обнаружить на территории России, а то и дальше... «Но теперь уж не узнаем – папаша-то умер!» – «Ах, и не говори, Наталья... Полгода после его смерти прошло, а я все не могу в себя прийти. Я одна была на его похоронах, и все это так ужасно... ужасно!» – «Если б я могла, то съездила с тобой!»

Наталья тогда собиралась родить младшего, Никиту. И одновременно работала над каким-то грандиозным проектом. «Как же ты все успеваешь, Наташа?!» – спросила Даша, стараясь уйти от печальных мыслей. «Ну надо же детей как-то обеспечить, да?» – «Пусть муж обеспечивает!» – «Дашка, наивная, ну много ли учитель сможет заработать!» – засмеялась тогда Наталья, безо всякой обиды на мужа и на свою судьбу. Борис работал учителем в школе.

Даша искренне любила свою сестру. Но трое детей – 12, 9 и 3 лет... Вся гамма – от «прелестей» детского негативизма до подростковых эскапад! «Нет, не поеду! – окончательно решила Даша. – Совру чего-нибудь – скажу, что редактор из Москвы не отпускает... Хотя Наташка меня сразу раскусит! Скажу, что простудилась и ни к чему везти детям лишние вирусы! Наташка – чересчур хорошая мать, надо сыграть именно на этом. Да, точно!»

Даша вышла на своей станции и при выходе из метро уперлась взглядом в стеклянный павильон – витрины с телефонами и прочей техникой, стойка продавцов... «Надо купить фотоаппарат, – вдруг спохватилась она. – И телефон... А денег у меня сколько? – Даша полезла в кошелек. – Нет, хватит лишь что-то на одно...»

Она зашла в павильон. И уже через минуту общения с продавцом поняла, что ей не нужно лишнего. Телефон с фотоаппаратом – два в одном!

– А качество снимков?

– Я вас уверяю, качество никак не пострадает!

Еще через десять минут, немного ошеломленная и счастливая, Даша вышла из павильона с новеньким телефоном, который имел кучу полезных функций.

Уже по дороге принялась впихивать в него новую сим-карту. Слава богу, Варварин телефон она знала наизусть...

– Варька!

– Ты, Дарья? А что-то номер какой-то другой...

– Я купила новый телефон! А старый у меня уперли вчера, я тебе хотела рассказать, но ты меня слушать даже не стала!

– Тебя обокрали?!

– Да! – засмеялась Даша. – Прямо на улице... Выхватили из рук сумочку – и бегом...

– Ужас какой, – буркнула Варвара. – А деньги?

– Да ну, две десятки в кошельке...

– Нет, тебе Бобров деньги отдал?

– Варька, он не приехал... Я все глаза проглядела – не было его на вокзале!

– Вот сволочь... Нет, это я не тебе. Бобров – сволочь. Я, можно сказать, погибаю без авто, мне деньги позарез нужны! Ладно, сейчас буду ему звонить...

В трубке раздались короткие гудки. Даша пожала плечами – что ж, лаконичный разговор – вполне в Варькином духе... А потом принялась щелкать окружающий пейзаж на фотокамеру. «Надо же... действительно проще простого! А качество? Ну ладно, сброшу в компьютер, разберусь...»

Она вошла в подъезд, выскользнула из лифта и, не выпуская из рук новую игрушку, открыла дверь...

– Господи, что это?!

В первый момент Даше показалось, что она случайно зашла в какую-то другую квартиру. В которой то ли ремонт, то ли переезд, то ли все вместе случилось...

Но это была ее, Дашина, квартира.

Полный разгром. Все повалено, свалено, вывернуто, содержимое шкафов и ящиков на полу...

Может быть, по одной отдельно взятой квартире прошелся ураган? Смерч?..

И тут Даша вспомнила – ключи и паспорт. Заходи прямо по адресу, и никакие отмычки не понадобятся!

– У-уй, ду-ура... – застонала Даша, схватившись за голову. Говорили ей – смени замки. Не сменила. Забыла.

Чего теперь удивляться – обокрали!

Даша бросилась к телефону. Ноль два... Потом бросила трубку. Что они там могут? Надо найти Руслана Кедрова, спасителя бедных ягнят... Глупых овечек!

Но как его найти? А он что-то там говорил про УВД и округ... «Наш округ наверняка!»

Даша подняла с пола телефонный справочник, перелистнула страницы... А, вот она, оперативная столица... Набрала наугад один номер, другой. На третий раз ей сказали, что Руслан Кедров «на выезде, через час перезвоните. Или передать чего?». «Нет, ничего не надо передавать. Я с ним лично переговорить хочу!» Даша прилежно прождала полчаса, сидя на полу в коридоре, потом снова схватилась за трубку.

– Алло... Нет еще его. Хотя... минутку... Пришел! Сейчас соединю...

Когда Даша наконец услышала знакомый голос с непередаваемой брезгливо-усталой интонацией, то едва не расплакалась от радости.

– Руслан? Ох, извините, я не помню вашего отчества...

– Руслан Иванович.

– Руслан Иванович, это вам звонит вчерашняя обокраденная... – Даша все-таки заплакала, потом засмеялась. – Дарья Парщикова, помните?

– Доброе утро. То есть день... Или вечер? Вот, блин, работа... – мрачно произнес капитан Кедров. – Что у вас опять? Очередную пудреницу потеряли?..

– Мне не до шуток, Руслан Иванович... – заскулила Даша. – Мою квартиру ограбили. Я прихожу, а тут...

– Допрыгались! – холодно воскликнул капитан. – Я ж вам что сказал? Смените замки! Нет, ну люди, совсем мозгов у них нет... Я ж вам сказал: ограбления – не мой профиль.

Даша заскулила еще отчаянней.

– Будет вам, Дарья Михайловна, сырость разводить! – с отвращением произнес Кедров. – Ладно, у меня «окно», сейчас буду...

Он появился через двадцать минут, с папкой под мышкой. Даша так и сидела на полу, обняв колени руками.

– Почему дверь не закрыли?

– А зачем? Все равно войдут, у них же ключи...

– Логично! – фыркнул тот.

Прошел в комнату, оглядел царящий вокруг погром.

– В доме еще кто-то бывал? Гости или, например, сантехника вызывали...

– Нет! Давно никого не было! У меня есть друг, но мы встречались в гостинице, потому что его родители...

– Что пропало на этот раз? – Кедров сел, раскрыл папку, приготовился писать.

– Компьютер, слава богу, на месте...

– Деньги, ценности?

– Они вот в этом комодке были... Теперь все на полу лежит! – Даша принялась перебирать, разгребать завалы из вещей. – Ой!

– Что?

– Драгоценности на месте, надо же... – она потрясла перед Кедровым большой шкатулкой. – Вот, тяжеленькая...

– Откройте. Все на месте?

– Все... Браслет золотой, серьги... И даже колечко с сапфиром! – обрадовалась Даша. – Вот оно! Старинная работа, еще моя прабабка носила.

– Деньги?

– Сейчас... они у меня под кроватью...

Кедров мученически закатил глаза.

– Нет, вы не думайте, что я все деньги дома храню! – принялась горячо объяснять Даша. – Только немного наличных – ну так, на небольшие расходы...

Чихая от пыли, Даша вылезла из-под кровати. В руках у нее была пачка банкнот.

– Вот они, денежки-то... – удивленно пробормотала она. – Видно, совсем этот вор болван...

– Так что пропало-то? – теряя терпение, засопел Кедров.

– Да ничего не пропало... – пожала Даша плечами.

– Тогда с чего вы взяли, что это ограбление?

– Ну, как...

– Дарья Михайловна!

– Не кричите на меня... – она поежилась, села на стул. – Я сама ничего не понимаю.

Несколько секунд Кедров смотрел на нее, потом встал, резко захлопнул папку, привычным жестом снова сунул ее под мышку.

– Все, я уйду.

– Куда?

– Дарья Михайловна, не надо из меня дурака второй раз делать!

– Вы не дурак! Вы замечательный! Я только на вас надеюсь...

– С меня хватит.

– Капитан! Так же нельзя... Я одна, меня некому защитить...

– А этот ваш... друг из гостиницы? – язвительно напомнил Кедров.

– Марат? Ой... Стойте-стойте... я все поняла! – в страшном волнении закричала Даша.

– Что вы поняли? – стоя уже у дверей, оглянулся Кедров.

– Это не ограбление... Как же я сразу не догадалась! И вчера тоже... Это были акции устрашения!

– У вас есть враги? Что ж, я не удивляюсь...

– Это не смешно! У Марата Курбатова родители... Они ненавидят меня! Я недавно разговаривала с ними, они угрожали мне!

– Семейными разборками мы не занимаемся, – отрезал Кедров.

– Что значит – не занимаемся?! – возмутилась Даша. – А если меня убьют? Вы только тогда чесаться начнете? Вам нужен труп, да? Тогда это будет ваш профиль?..

Руслан Кедров молча смотрел на нее.

– Эх вы, а еще правоохранительные органы... – с горечью протянула она. – Ваша главная задача – какая? Не только раскрывать преступления, а еще – предотвращать их! Понимаете? Предотвращать!

– Если вас кто-то и убьет, то это буду я, – отчеканил он. Потом потер лоб и спросил уже другим тоном, устало: – Слушайте, Дарья Михайловна... у вас кофе есть? Только не растворимый, растворимый на меня не действует...

– Что? А, да... Проходите на кухню. Там разгром не такой сильный.

На кухне Даша принялась хлопотать у плиты, а Кедров сел напротив, уперся затылком в кафельную стену, закрыл глаза.

– Устали, да? – с сочувствием спросила Даша, ставя турку на огонь.

– Да нет, ничего... – невнятно пробормотал тот.

– А вы в первый раз мне алкоголиком показались, – бесхитростно призналась она. – В милиции же все алкоголики?

– О господи... – то ли простонал, то ли вздохнул капитан. – Нет, придется мне самому вас убить, это точно!

– Ну простите, простите... Я всегда говорю то, что думаю! Иногда такое могу ляпнуть...

– Дарья Михайловна, я действительно ничем вам не могу помочь в данной ситуации. Ограбления нет, ничего не пропало...

– А сумочка – вчера?

– Связать два этих случая? Вряд ли получится... Слишком много возни, и было бы из-за чего... Вы уж тоже простите меня за откровенность. Разбирайтесь с родственниками вашего бойфренда сами!

– Ну да, на вас же куча нераскрытых дел! – Даша не отрывала глаз от постепенно поднимающейся кофейной шапки. – Оп! Вот ваш кофе... Сахар, молоко?

– Нет, спасибо.

Даша поставила чашку перед капитаном. Села напротив, подперла подбородок кулаками.

– Руслан Иванович... А помните, вы мне рассказывали о зарезанной женщине? Когда даже потолок был кровью забрызган?

– И что? – Он ждал, пока кофе чуть остынет, поднял глаза – серые, холодные, бесстрастные.

– Вы нашли убийцу? – с интересом спросила Даша.

– Нашел.

– Ой! – восхитилась она. – Поздравляю!

– Рано поздравлять... – проскрипел тот. – Найти-то я его нашел, а вот доказательств у меня против него никаких нет.

– Как?..

– А вот так. У него алиби – во время убийства он был в другом месте. И свидетели подтверждают... Но это он, точно! Очень хорошо все спланировал, гад.

– А кто он? Зачем он убил ту несчастную? – шепотом спросила Даша. Она даже забыла обо всех своих горестях и теперь со жгучим интересом слушала капитана.

– Он – муж, – Кедров наконец отхлебнул кофе, затем одобрительно кивнул головой.

– Муж?.. Муж?!!

– А что вас так удивляет? Большинство преступлений совершается близкими людьми. Бытовуха!

– Бытовуха...

– Нет, преступления на бытовой почве раскрываются легко и быстро, по горячим следам: напился, стукнул собутыльника по башке, проснулся уже в кутузке. Или – приревновал, зарезал в гневе, пришел с повинной...

– Ой, какой ужас...

– А этот товарищ действительно все очень хорошо спланировал. Никакого аффекта, все четко и умно...

– Чем же ему жена не угодила?

– Все та же ревность. Банально до крайности – у жены был любовник. Но, я повторяю, – все с холодной головой делал...

– Бедная женщина! Налить еще?

– Да, если можно... Кофе вы варить умеете.

– Ой, спасибо... Любовь и смерть. Любовь и смерть... – заворуженно повторила Даша.

– А, ну да, вы же у нас писательница, такие сюжеты вас интересуют...

– Я не писательница! Я бездарная неудачница! – вздохнула Даша. – Мои пьесы не ставят ни один театр! А глупые переводы мыльных опер на наш лад – это не то... Никакого простора для творчества! Все под контролем редактора и западных партнеров, которые нам этот сериал предоставили в пользование.

– Что-то вроде «Моей прекрасной няни»? – наконец озарило капитана.

– Ага... Только у нас главными героями – супружеская чета. Он, она, их дети, их соседи и родственники. Муж – неудачник, жена – стерва, дети тоже очень специфические... По тридцать четвертому каналу идет. Мы, бригада сценаристов, пишем, они снимают по две серии в день...

– Как называется? – заинтересовался капитан. – Я, пожалуй, посмотрю, если время будет...

Даша улыбнулась.

– Ну вот, вы улыбаетесь... – пробормотал Кедров. – Как у вас, женщин, все легко – заплакали, потом засмеялись...

– Вы не любите женщин?

Он ответил не сразу, бесстрастно и коротко:

– Нет, – потом добавил, словно нехотя: – Я любил и люблю только свою жену.

– А... Но... – Даша растерялась. – Вы же говорили, что вашу жену... что ее уже нет...

– Смерть и любовь. Вы сами сказали – смерть и любовь. Моей жены нет, но я все равно люблю ее. Вам трудно это представить? – с холодной насмешкой произнес Кедров. Отставил пустую чашку, встал из-за стола. – Ну все, Дарья Михайловна, разрешите откланяться.

– Что же мне делать? – уныло спросила Даша, выходя вслед за Кедровым в прихожую. – Мне все равно страшно... Сами говорите – бытовуха!

– Поверьте моему опыту, Дарья Михайловна – на что-то серьезное родители вашего жениха вряд ли решатся. Так, попугали...

– Вам легко говорить!

– Звоните ноль два. Звоните сразу к нам в отделение!

– Бесполезно! Скажут – на семейные разборки не выезжаем...

– Да, что есть, то есть... – нахмурившись, пробормотал Кедров. – А потом в квартире труп, и кровь на потолке! И опять мне разгребать... Вот что – запишите-ка мой сотовый, на всякий случай.

– Ой, спасибо вам! Диктуйте... А я вас заодно щелкну, можно? У меня новый телефон, к номеру можно прикрепить фотографию, очень удобно и красиво... – оживленно щебеча, она нацелила телефон на Кедрова. Сверкнула вспышка, тот запоздало дернулся, сморщился недовольно.

– Звоните только в крайнем случае. Если что-то действительно серьезное. Начнете из-за ерунды беспокоить – занесу ваш номер в «черный список», вовек мне дозвониться не сможете!

– Обещаю! – заверила Даша, восхищенно разглядывая фото на экране.

– Я думаю, продолжения не будет – если вас хотели напугать, то сделали уже достаточно. Да! Смените замки – это обязательно. И еще, на всякий случай, поезжайте куда-нибудь, на недельку-другую... Все забудется, накал страстей стихнет...

– Вам легко говорить! – оторвавшись наконец от экрана, недовольно воскликнула Даша. «Уехать! Куда? К Варьке, в ее берлогу? К Наталье, на растерзание племянникам?.. Ну уж дудки!»

– Дарья Михайловна, все ваши неприятности – ваших собственных рук дело! – с раздражением воскликнул Кедров. – Водите знакомства с кем ни попадя, шастаете по ночам одна, замки вон даже сменить не потрудились... Сколько вам лет?

– А сколько вы мне дадите? – Даша моментально вцепилась в капитана. – Ну сколько, сколько? Только честно!

Тот даже слегка отпрянул. Потом взгляделся в Дашино лицо и произнес совершенно серьезно:

– Лет пять. Ну, семь... Больше вам и не дашь.

– Издеваетесь! А я, между прочим, серьезно вас спрашиваю!

Капитан вздохнул, повертел пальцем у виска и, даже не попрощавшись, вышел вон.

«Солдафон! Мужлан! Зануда...»

– Алло, диспетчерская? – захлопнув за гостем дверь, схватилась за телефон Даша. – Мне нужен слесарь, срочно! Вот прямо сейчас! Зачем? Замки надо сменить!

Остаток дня Даша сначала ждала слесаря, потом ругалась с этим самым слесарем, потом пыталась дозвониться в диспетчерскую, чтобы ей прислали другого слесаря, нормального. От этого разило спиртягой, руки росли не из того места (всю дверь разворотил!), и цену за свою работу заломил немыслимую...

В результате день закончился тем, что Даша легла спать в первом часу ночи с разломанной дверью (пришлось стулом подпирать и шкаф придвигать), с разбитыми нервами и дикой головной болью.

И ей было уже откровенно все равно, что с ней будет. Если злодеи вздумают навестить ее посреди ночи – пусть приходят, пусть убивают – она этим людям только спасибо скажет!

На следующий день Дашино настроение вновь переменялось. Она по рекламному объявлению в газете вызвала бригаду мастеров, и те живо, буквально за несколько часов, поставили ей новую дверь – железную. Причем за ту же цену, что требовал вчера с нее пропойца-слесарь!

– Дарья... – в пятом часу, едва мастера ушли, раздался телефонный звонок. Варвара. – Ты почему трубку не берешь?

– А ты разве звонила?

– Целый день! – мрачно буркнула Варвара. – И по городскому, и по мобильному...

– Да-а... А почему же я не слышала ничего? – Даша нашла свой новенький сотовый, взглянула на экран. Пятьдесят неотвеченных вызовов! – Ой, Варька... И правда...

– Что?

– Я поняла! Тут был дикий грохот, дрелью сверлили...

– Какой грохот? Какая дрель? Нас с тобой на съемочной площадке ждут, на ходу будут сценарий перекраивать. У них там какие-то проблемы...

– Что? Ой, я выезжаю... – испугалась Даша.

При всей своей нелюбви к тому делу, которым она занималась, Даша рисковать работой не собиралась. Если ее выгонят с киностудии – откуда тогда возьмутся деньги на косметику, на железные двери, на гаджеты – новомодные электронные игрушки с кучей дополнительных функций?..

Через час Даша уже была в павильоне, где снимали сериал.

Павильон располагался в помещении бывшей бумагопрядильной фабрики – огромное помещение с интерьерами семейства Кукуевых. Жутко холодное, поскольку отопление не работало.

– Парщикова? Наконец-то! Сан Саныч свалился с простудой, будем снимать серию без него... надо срочно новый сюжет придумывать. Горим!

– Скоро и мы свалимся... – ворчливо буркнула актриса в огромном рыжем парике, игравшая роль матери семейства.

– Аленька, не сглазь!

– Парщикова, есть идеи?

– А Варвара наша где? Варвара!

– Дашка! Приехала наконец... А мы тут зашиваемся!

– Значит, так, вместо Сан Саныча берем другого актера...

– А сюжет, сюжет-то какой?!

– В квартиру Кукуевых проникли воры. Украли любимый телевизор. Кукуевы решили поставить железную дверь... – на ходу, используя свой собственный, личный опыт, принялась фантазировать Даша.

– А смешного-то что? – нетерпеливо закричал режиссер.

– А дверь оказалась с подвохом! – включилась в обсуждение Варвара. – То ли захлопнулась она, то ли Кукуевы ключи потеряли. И они оказались забаррикадированными в собственной квартире!

– Ничего, неплохо... Но должна быть изюминка! Почему пропали ключи, куда...

– Ключи проглотила собака Кукуевых! – вдохновенно закричала Даша, указав на огромного лохматого пса, дремавшего в углу.

– Оч-чень неплохо... – с азартом закивал режиссер. – Так, быстренько придумываем диалоги!

Работа закипела.

Серию успели снять к утру.

– Все, ребята, спасибо всем! Актеры собираются сегодня к двум, сценаристы могут отдыхать...

В половине шестого утра Даша с Варварой после безуспешных попыток поймать такси наконец добралась до метро. Тряслись в пустом вагоне до Кольца.

– Ну все, теперь мне на пересадку... – зевнула Варвара. – Эй, Дашка, не засни тут!

– Ага, спасибо...

– А ловко ты про железную дверь придумала! – крикнула на прощание Варвара, выходя из вагона.

– Я не придумывала, это правда жизни! – засмеялась Даша. – Только меня пока не захлопывало в квартире... Тьфу-тьфу-тьфу, чтоб не сглазить!..

Еще через полчаса она вышла на своей станции.

Пустые улицы, солнца нет, густой туман. Озноб пробирал до костей – уже осень как-никак...

Даша привычно свернула к набережной, но потом вдруг вспомнила, что ей опять придется идти мимо гаражей. Она резко развернулась и направилась в противоположную сторону. К ее дому можно было добраться и другим путем – вдвое дольше первого, – но она же никуда не спешила?..

Даша никогда не любила утренние часы. Утром, особенно ранним, на нее нападала депрессия – стоило только открыть глаза. Мир ужасен, счастья нет, все плохо...

Именно поэтому Даша и отказалась от обычной работы – когда надо было вставать в определенный час и тащиться через всю Москву в какой-нибудь офис. Она стала свободным художником с ненормированным рабочим днем и получила возможность просыпаться ближе к полудню. Она сбежала от демонов утренней хандры...

Но сегодня сбежать не удалось.

Раннее-раннее утро, такое раннее, что даже прилежные офисные рабы еще спят – половина седьмого.

Мир ужасен. Счастья нет. Все плохо.

Даша нервно зевнула и, потуже запахнув у шеи воротник легкой куртки, прибавила шагу.

Сквер – длинный, больше километра, наверное, – всегда был оживленным местом. Деревья, кусты, лавки, детская площадка с песочницей и качелями... Все это привлекало пенсионеров, мамаш с младенцами и хоть и шумную, но, по большей части, безобидную молодежь с пивом.

Но в этот час сквер был пуст. Даша огляделась – клочья тумана медленно плыли между деревьев, скрадывая то, что пряталось за ними.

Чьи-то тяжелые шаги, скрип гравия под подошвами, прерывистое дыхание, еще какое-то шуршание – густой туман делал каждый звук отчетливым и в то же время далеким.

Даша мигом вспомнила события последних дней – череду событий странных и страшных, и мурашки побежали у нее между лопаток.

– Ньюша, Ньюшенька...

Голос был хриплый, не мужской и не женский. Кто-то шел по соседней аллее, чуть впереди.

– Ньюшенька, девочка моя, ну не капризничай... Сейчас домой придем, я завтрак приготовлю...

Все-таки голос принадлежал женщине, и немолодой. Какая-то тетка с дочкой или внучкой – совершают раннюю прогулку. Или, быть может, возвращаются из гостей...

Даша с облегчением вздохнула – рядом ходят вполне нормальные люди, бояться нечего!

– Ньюшенька, почему ты мамочку не слушаешь, а?

Мать и дочь.

Даша улыбнулась – сквозь туман проступила чья-то широкая спина, над спиной плыло что-то круглое, широкое, напоминающее автомобильную шину. Женщина в шляпе.

Даша опустила взгляд, пытаясь разглядеть девочку, но ниже ветвились кусты шиповника, отчетливо покраснели плоды.

Пыхтение, кряхтение, недовольное бурчание вперемешку с повизгиванием...

– Ньюша, делай свои дела, а то мамочка замерзла... Ньюша! Смотри – песочек! Ты же любишь песочек?..

Ах, это не девочка, это собака! Женщина гуляла с собакой. Посреди детской площадки туман отступил, и Даша увидела тетку внушительных габаритов, в черной шляпе и с белым пудельком в розовой попонке.

Пуделек в данный момент сосредоточенно кружился в песочнице, вокруг расписного деревянного гриба.

– Женщина, да вы что! – возмутилась Даша. – Здесь же дети играют! Уберите немедленно собаку...

Пуделек замер, подняв ногу. Тетка смотрела на Дашу круглыми глазами с чугунными подглазьями и молчала.

Даша буквально задохнулась от возмущения.

– Пошла отсюда! – топнула она ногой, обращаясь непосредственно к собаке. – Пошла!

Пуделек дернулся, тетка ожила – лицо набрякло краснотой.

– Девушка, что вы себе позволяете?..

– А вы что? Совесть надо иметь!

– А чего вы на бедное животное орете? Хамка!

– Хамство – это ваше поведение! Думаете, никто не видит, так все можно?!

– Животных надо любить! Вас учили этому в детстве?

– А вас учили, что людей надо уважать?.. Гадят где ни попадя...

– Кто гадит? Кто?

– Ваша псина – вот кто гадит!

– Людей я должна уважать... А за что? Да моя Ньюша лучше всякого человека!

– Вы еще грудью ее начните кормить, свою Ньюшу!

– Что-о?.. Что-о-о?..

– Что слышали! – разбушевалась Даша. – Я вот сейчас милицию позову, пусть вас оштрафуют!

– Дрянть какая... – дрожащим голосом сказала женщина, дернула за поводок. – Ньюша, девочка, пошли скорей отсюда... пошли скорей от этой ненормальной...

Через несколько секунд женщина с собачкой исчезли в тумане.

Даша перевела дыхание – ее буквально трясло от возмущения. «А потом дети придут, будут играть в этой песочнице...» Не то чтобы Даша особо любила детей – нет, материнский инстинкт в ней был развит весьма слабо, но если быть такой циничной, как эта тетка в шляпе, тогда точно – ничего в этом мире святого нет. Если уж собак выше детей ставят, то позволено все!

– Бей, грабь, убивай, режь... Что хотите, то и делайте! – бормотала Даша. И вдруг снова услышала шаги.

Она решила, что это возвращается та самая тетка, и остановилась, чтобы продолжить дискуссию. Но шаги тоже затихли.

– Бред какой-то... и этот туман еще! – в бессильной ярости прошептала Даша. Нервы у нее были на пределе.

Она пошла вперед и снова услышала шаги. Чей-то силуэт за кустами, но явно не теткин-ский – слишком стройный, и шляпы на голове нет...

Тоска и страх – непонятный, мистический страх!

И тогда Даша побежала. От холодного воздуха, который она вдыхала слишком глубоко и часто, закололо в легких, зашумело в висках... Ничего не слыша и не соображая, Даша мчалась вперед.

Оглянулась на миг – кто-то бежал за ней.

– Мама! – истошно взвизгнула она и рванула в сторону, через газон. Сзади затрещали кусты. Искать телефон в сумочке, жать кнопки – не было времени.

Даша выскочила на соседнюю аллею, и тут одновременно произошло следующее. Во-первых, Дашу ударили сзади по голове. Во-вторых, от удара она буквально уткнулась носом в широкую спину тетки-собачницы. В-третьих, Ньюша сорвалась с поводка.

Даша схватилась за голову, тетка обернулась и заверещала, глядя почему-то не на Дашу, а на кого-то за ее спиной.

– Караул! Люди добрые, что творится-то... – тетка потрясла перед собой пустым поводком, отступила назад. – Ньюша! Ньюша!!!

Тетка скрылась в тумане вслед за собакой. Даша обернулась, чувствуя мучительную боль в затылке, и увидела человека в черной куртке, с накинутым на голову капюшоном. Лица она не разглядела – мешал капюшон, да и в глазах у нее как-то странно двоилось.

Человек поднял руку, в которой что-то было (очертания чего-то неровного, темного, округлой формы – камень?..), но продолжения Даша ждать не стала. Инстинкт самосохранения заставил ее дернуться в сторону и бежать, не обращая внимания на боль. Она перемахнула через очередные кусты, затем по газону – к ограде, перевалилась через нее – прямо на проезжую часть, и – к ближайшим домам.

Взвизгнули тормоза.

– Куда прешь?... Вот я тебе сейчас рога-то пообломаю, коза... – истеричный мужской голос. Хлопнула дверца машины...

Но Даша, ничего не соображая, подгоняемая паническим ужасом, мчалась вперед. Двор. Какие-то железные ворота – полуоткрыты. Сзади – топот, голоса, мат водителя, который только что едва не задавил ее...

Придерживая затылок и чувствуя пальцами что-то теплое, влажное, Даша сделала еще несколько прыжков вперед и обнаружила, что никакой это не двор, а стройплощадка.

Перед ней – огромный котлован с торчащим вверх частоколом арматуры.

Даша хотела повернуть назад, но в этот момент кто-то толкнул ее, и она полетела вниз. Густой, похожий на вату туман полез ей в уши, глаза, нос, рот – и она лишилась разом всех

чувств, но перед тем, за мгновение до того, ощутила (а вернее, угадала), как что-то мягкое шлепнулось рядом с нею и коротко твякнуло. Это было последнее, что она помнила.

* * *

«Он бежал за мной, он летел – он хотел догнать меня. Мой демон, мой черный человек... Он все-таки догнал меня и убил...»

Чьи-то крики, плач. Женский плач.

Даша с трудом открыла глаза. Повернула голову в одну сторону, потом в другую. То, что она обнаружила, поразило ее до глубины души.

Она, Даша, лежала на дне строительного котлована, а вокруг нее торчали прутья арматуры – буквально в нескольких сантиметрах от ее тела. Упала она чуть правее или чуть левее – она была бы уже мертва. Или еще билась в страшной агонии...

Даша нашарила рядом с собой сумочку. Кто-то не пускал сумочку, тянул на себя. Даша поморгала глазами и увидела Нюшу в розовой попонке – та, скаля зубы, тянула сумочку на себя. Выходит, это Нюша свалилась в котлован вслед за ней, и тоже на редкость удачно!

– Кыш! – вяло пробормотала Даша, и пуделек, скалясь, отскочил назад.

– Нюша! Нюша, девочка моя! – Надрывный, словно плач Ярославны, теткин вопль сверху.

– А я, блин, не хочу на нары! Она, блин, прямо мне под колеса... Коза ненормальная!

Даша подтянула к себе сумочку, с трудом растянула «молнию». Телефон сразу скользнул ей в руку.

Даша нажала кнопку, экран вспыхнул, перед глазами замаячила кислая физиономия капитана Кедрова... Удачный кадр, нечего и говорить!

– Алло! – отозвался хриплый, смурной голос.

– Руслан Иванович!.. – выдохнула Даша.

– Вы! Как вас там...

– Дарья Михайловна я... – прошептала она.

– Вы в курсе, который час? Если вы, Дарья Михайловна, не по поводу, то я...

– Руслан Иванович, на меня опять напали! По вашему профилю... Хотели убить! – сказала Даша и тихонько заплакала, глядя на частокол арматуры вокруг себя.

– Что? – уже совершенно другим голосом произнес Кедров. – Вы где?

– Я на стройке... Меня ударили по голове. Почти как вашу жену.

– Нюша! Нюша, девочка моя... – донеслось сверху.

– А я, блин, в тюрьму не собираюсь... Лежит там, отдыхает, по телефону беседует... Эй, дамочка, вы у меня попляшете! Я вас... – второй голос сверху.

– Это кто там орет? Это он? Кто напал на вас? – быстро спросил Кедров.

– Нет, это совершенно посторонние люди...

– Адрес, адрес диктуйте!

– Откуда я знаю... Сквер недалеко от моего дома, напротив – стройплощадка... Я... я чуть не погибла, честное слово!

В трубке раздались короткие гудки.

Даша попыталась сесть, в ушах зазвенели колокола, слегка подташнивало. Кажется, сотрясение мозга... Все тело болело. Сверху метались какие-то тени, слышался визгливый плач и негодующий бас.

– Да чего вы орете, жива ваша псина – вон как носится! Эй, дамочка, а вы там как? Ничего? Ну ладно, я пошел. Я, блин, не в обиде, только вы в следующий раз аккуратней через дорогу...

– Куда?! – завопила тетка. – Мужчина! Вы должны мне достать Нюшу!

– Да пустите, блин, я-то тут при чем...

Издалека раздался третий голос, с явным восточным акцентом, испуганный и возмущенный:

– Гыраждане, сидесь нилизя находиться, сидесь строителна площадк... Ой, вах... Дэвушк! Дэвушк, вы живы?..

Даша взглянула вверх, отчетливо увидела восточного мужчину в синем строительном комбинезоне – тот бежал по краю котлована и размахивал руками, словно ветряная мельница. Туман уже разошелся, клубился только внизу, в котловане...

«Как хорошо, люди... Сколько людей! На людях этот маньяк не посмеет на меня напасть!» – с облегчением подумала Даша – и отключилась.

...Белый потолок, белые стены. Запах лекарств.

Даша рывком села.

– Лежите-лежите! Вам нельзя вставать, у вас сотрясение... – Кто-то положил ей руки на плечи, мягко надавил.

Даша поморгала и увидела прямо перед собой лицо Кедрова – очень серьезное, деловитое.

– Руслан Иванович...

– Ох, Дарья Михайловна, мороки мне с вами... Да лежите вы, я сказал!

– Я... где?

– Вы в больнице, – Кедров поправил белый халат, накинутый поверх гражданского костюма, сел на стул. – Что-нибудь помните?

– Да... На меня напали. Он шел за мной...

– Он? Мужчина, значит?

– Н-не знаю... – вдруг засомневалась Даша. – Куртка, капюшон... Лица опять не видела, и потом он меня ударил, камнем, кажется, и сразу так плохо стало... Вы мне верите? – спохватилась она.

– Верю, верю. На этот раз есть свидетели, – безо всякого энтузиазма отозвался Кедров. – Женщина с собакой – правда, сам момент нападения она не видела, только то, что произошло после... как нападавший замахнулся еще раз... Потом, водитель проезжавших мимо «Жигулей» – и он утверждает, что заметил кого-то... Кто-то бежал за вами. Но туман! Свидетели тоже не разглядели лица нападавшего, хотя по фигуре – это действительно был мужчина.

– А этот, на стройке...

– Охранник Бекбулатов прибежал уже позже, он ничего не видел. Словом, Дарья Михайловна, дело безнадежное, и воистину – очень уж туманное! Опознать нападавшего, даже если его и найдем, никто не сможет, доказать что-либо весьма проблематично...

– Господи, господи, и кому я нужна...

– Вот и я думаю – кому вы понадобились, Дарья Михайловна? – усмехнулся Кедров. – Хотя и свидетельница Бирюкова, та, с собачкой, и свидетель Тарсюк, водитель «Жигулей», против вас зуб имеют. Всем вы успели насолить, гражданочка!

– Но теперь-то вы мне верите... В то, что все было не просто так... И когда у меня сумку отняли, и когда в квартире разгром устроили... Это – звенья одной цепочки! Вы говорили, что милиция в семейные дела не вмешивается, только когда есть труп... Вам нужен мой труп, да?!

– Пожалуйста, без пафоса. Разберемся, – сухо произнес капитан. – Итак, вы говорили, что подозреваете кого-то.

– Да, – твердо ответила Даша. – Родителей Марата Курбатова. Они против того, чтобы их сын встречался со мной. Они мне уже угрожали...

– Адреса, телефоны? – Капитан достал блокнот.

Даша продиктовала все, что помнила.

– Марат тут ни при чем... Это все его родители! Марат – славный мальчик, я его люблю... Я очень плохо выгляжу? – Она спохватилась, потрогала затылок – голова была забинтована. – Этот тип... Они его наняли, это же очевидно! Не самим же старикам за мной бегать... Он здорово меня по голове треснул... Но я убежала! Потом он догнал меня, уже на стройке, и толкнул... Метра четыре летела, да! – Дашу затрясло. – Руслан Иванович!

– Спокойно, Дарья Михайловна... – Кедров похлопал ее по руке.

– Я могла умереть. Вы видели этот котлован! Там железные прутья... Мне просто повезло. Это чудо! Я была бы как цыпленок на вертеле... Он толкнул меня. Вы понимаете? Не я туда свалилась, в этот котлован, а меня *столкнули*! Меня хотели убить. Убить!

– Тихо, тихо... Все же обошлось! – почти ласково произнес Кедров.

– Я только вам верю, Руслан Иванович... – Даша схватила капитана за руку, прижала его ладонь к своему лицу. – Мне страшно.

Он не сразу отнял руку.

– Дарья Михайловна... Вы, конечно, опять меня не слушаете, но я бы советовал вам уехать куда-нибудь. На время.

– Почему я не слушаюсь? Я уеду! Клянусь!

– Туда, где вас никто не найдет. И никому не говорите, куда вы уехали. Кроме, разумеется, самых близких, проверенных людей.

– Да! – с жаром воскликнула Даша. – Никому не скажу! Только Варьке, но с Варьки я возьму слово... Поеду к Наталье, никто не знает, что у меня есть сестра, сводная...

– Вот и отлично. Поезжайте к вашей Наталье.

– Это что ж такое... Ну подумаешь, у Марата невеста есть, подумаешь – я на четырнадцать лет его старше... – лихорадочно забормотала Даша. – Зачем же за это убивать? А вдруг это не родители, а она, эта Джульетта чертова, подстроила все? – вдруг озарило ее. – Капитан, умоляю, вы и Джульетту потрясите тоже... Джульетта – это невеста Марата!

– Потрясем-потрясем! – Кедров смотрел на Дашу тяжелым, изучающим взглядом. – Экая, можно сказать, кармен-сюита... Страсти-мордасти!

Слова капитана о страстях напомнили Даше еще кое о чем.

– А если Курбатовы ни при чем? – в ужасе пробормотала Даша. – А если это мои бывшие... ну, те, с которыми у меня были романы, которых я бросила...

– И многих вы бросили?

– Многих... – вздохнула Даша. – Я всегда бросала сама, потому что не видела смысла... Как пойму, что это не мой мужчина, так сразу от ворот поворот даю...

– Дарья Михайловна! – вспыхнул Кедров. – Ну и работенку вы мне задали!

– Вы думаете, что я... распутная женщина, да?

– Ничего я не думаю!

– Но если бы был один-единственный, тот, ради кого...

– Я вас умоляю... без этих ваших лирических отступлений! Я не литератор, я следователь, мне нужны только факты! – Кажется, Кедров опять начал злиться. – Кого конкретно вы еще подозреваете?

– Кого? – Даша потеряла лоб, сдвинув назад повязку. – Кого... Кто был последним?... С Митрохиным встречалась год назад, но это такая свинья! Когда я узнала, что у него роман с его секретаршей...

– Значит, вы думаете, что это Митрохин...

– Нет! Я вспомнила! Митрохин потом этой крашеной дуре предложение сделал! Нет-нет-нет, он не может мне мстить, он женатый человек, зачем ему я... Свирский? Но Свирский уехал в Германию полтора года назад, и вообще это не в характере Свирского – мстить женщине за то, что она его бросила, для него его бациллы превыше всего...

– Какие бациллы? – вытаращил глаза капитан.

– Как какие? Свирский – микробиолог!

– Господи...

– А все остальные мужчины... Нет, это было слишком давно, – устало прошептала Даша. – Они не могли. Любовники мстят или сразу, или никогда. Это Курбатовы, точно. Проверьте их!

Она откинулась назад, закрыла глаза. Тяжелый сон, словно дурман, мгновенно навалился на нее.

– До свидания, Дарья Михайловна.

– До свидания... – едва слышно, из последних сил, пробормотала Даша.

...Проснулась она от того, что хлопнула дверь.

Какой-то усатый толстый дядька с раздутыми полиэтиленовыми пакетами топтался на пороге, близоруко оглядывался по сторонам.

– Вам чего? – резко спросила Даша.

– Степанова тут?

– Какая Степанова... – Даша огляделась, обнаружила, что помимо нее в двухместной палате лежит еще одна женщина с подвешенной вверх ногой. – Вы Степанова? – крикнула она соседке.

Женщина не отозвалась.

– Тсс... спит, наверное! Не, это не она... Я, кажется, палатой ошибся... пардон.

Мужчина попятился назад и исчез в коридоре.

– Ходят тут всякие... – нервно сказала Даша. – Это что ж, любой может войти? Заходи, делай что хочешь – никто и не заметит!

Она снова покосилась на свою безответную соседку. В голове сразу родился сценарий (профессионалка же!) – таинственный маньяк вваливается под видом посетителя в больницу, душит Дашу подушкой и тихо смывается. Доктора непонятно где, больным – до лампочки. Все шито-крыто.

Даша села, откинула одеяло. Коленки были в синяках и ссадинах – последствия падения. Педикюр не пострадал – уже хорошо... Что еще?

Голова слегка гудела, по-прежнему хотелось спать. Сотрясение мозга, надо лежать... «Но это все ерунда, можно отлежаться и в другом месте!»

Даша опустила ноги вниз, нашарила казенные тапочки. Слегка пошатываясь, побрела по коридору.

За стойкой сидела на своем посту дежурная медсестра, писала что-то в журнале.

– Куда? Сейчас обход... – не поднимая головы, строго произнесла она.

– Я хочу уйти.

– Что? Куда? – Медсестра подняла голову. – А, вы из одиннадцатой... Но у вас сотрясение средней тяжести. Надо лежать!

– Это я и без вас знаю! – фыркнула Даша. – Но я все равно уйду!

– Только под расписку...

– Да ради бога, напишу я вам вашу расписку...

Через час Даша, поймав такси, была уже у себя дома. Как ни странно, но с каждой минутой она чувствовала себя все лучше и лучше. Наверное, решимость прибавляла ей сил.

Она набрала номер Натальи.

– Наташенька, это я...

– Дашка! А я как раз собиралась тебе звонить! – засмеялась сестра. – Наверное, все-таки есть связь между близкими людьми... Ну как, ждать нам тебя или нет?

– Ждать!.. – выдохнула Даша. Собралась рассказать Наталье о своих неприятностях, но тут же передумала. Ни к чему тревожить сестру – на ней и так трое детей, муж, работа, дом... – Выезжаю прямо сейчас.

– Борис тебя встретит у станции, на машине!

Следующий звонок был Варваре.

– Варька, я уезжаю. У меня неприятности – старшие Курбатовы меня совсем допекли...

– А я тебя предупреждала!

– Погоди, не перебивай. Сценарии буду отправлять по электронной почте. Я у Натальи. Помнишь Наталью?

– Нет. А, это сестра твоя, что ли... Слушай, Дарья, но мне нужна помощь, я тут никак не могу придумать сюжет для следующей серии...

– Варька, сама думай! – решительно воскликнула Даша. – У меня неприятности, я сказала... Телефон отключаю, на всякий случай. Общение – только в виртуальном пространстве! Координаты мои никому, слышишь, – никому не давай!!!

* * *

Камнем по голове... Гм.

Как Ангелину – тот бомж. Только Дарья Михайловна, в отличие от жены Руслана, выжила...

Теперь он не мог вот так просто отстраниться от этого дела.

Руслан потом нашел в сквере, неподалеку от стройки, этот камень – со следами крови и несколькими волосками, судя по цвету, принадлежащими гражданке Паршиковой Дарье Михайловне. Нападение действительно имело место. Покушение на убийство? Но никаких отпечатков на камне не обнаружилось – скорее всего нападавший был в перчатках.

От свидетелей – никакого толку, равно как и от самой пострадавшей.

Что делать, кого искать, кому предъявлять обвинения?..

После разговора с потерпевшей Руслан сразу же отправился к Курбатовым. На счастье, они все были дома – и родители, и Марат, и даже Джульетта.

Хороший дом, огромная квартира, уважаемые хозяева: отец – известный на весь спортивный мир тренер, мать – певица, тоже известная, но в узких кругах. Специализируется на романсах... Визиту следователя поразились, но разговаривали охотно, жаловались на Дарью. По словам старших Курбатовых, та являлась стареющей хищницей, ведьмой, мечтающей сломать жизнь их единственному сыночку.

Дарью они ненавидели, это очевидно. Но опыт подсказывал капитану – не они. И дело тут не в интеллигентности, романсах-реверансах... Не они, и все! Такие люди, как Курбатовы, слишком известны, почтенны и пугливы, чтобы решиться на подобные акции, пусть даже и чужими руками.

Марат, меланхоличный юный красавец... Может быть, это он мечтал избавиться от надоевшей любовницы? Скрипач с тонкими пальцами... Представить их сжимающими камень было невозможно. Не проще ли ему было сказать Дарье – «ты мне надоела, уходи»?.. Она бы ушла сразу, не задумываясь – такой характер, это Руслан уже понял. И Марат об этом знал – что-то, а дураком красавец не казался.

Невеста Джульетта.

Совсем девчонка. Пухлые щеки, гора черных кудрей, тоненькая-тоненькая, огненные глаза, порывистая, отчаянная...

Вот она – могла. Такие, как Джульетта, не терпят соперниц.

Руслан нацелил все внимание на нее, приготовил ряд каверзных вопросов, задал первый из них, но...

Потом увидел, как Марат сжимает той руку под столом – держись, мол. А Джульетта отвечает ему коротким кивком.

И столько в этих жестах приязни, дружеской поддержки и еще чего-то, только зарождающегося, может быть, не вполне осознанного еще ими самими...

Не она.

Загалдели старшие Курбатовы, защищая девчонку.

Марат смотрел на Джульетту затуманенным взором. Джульетта опускала глаза, и щеки ее отчаянно пылали. «Ах, Дарья Михайловна, потеряли вы своего принца!..»

Не они, ни один из них. Кружатся на своих орбитах, вокруг друг друга... Метеором пронеслась по их галактике Дарья Парщикова, но так и не смогла нарушить движения планет.

Руслан задал для проформы еще несколько вопросов, потом вежливо попрощался и ушел.

Он был неплохим психологом, хорошо знал людей и в большинстве случаев сразу определял, кто преступник, а кто – нет. А потом уж пытался собрать доказательства. Это был его метод, и данный метод неплохо работал, кстати. Иногда с доказательствами не получалось – и как досадно было осознавать собственную беспомощность! (Видно же – убийца перед тобой сидит, который собственными руками жену родную зарезал, а вот поди засади его за решетку... Алиби у него, паршивца! Но это так, лирическое отступление.)

Что же касается данного дела, то разыскивать бывших любовников Дарьи Парщиковой уж тем более не имело никакого смысла. Это правда – любовники мстят или сразу, или никогда... В отличие от коварных, злопамятных любовниц (тоже – психология!).

Скорее всего то, что произошло с Дарьей, – лишь ряд случайных событий и совпадений. Грабитель отнял на улице сумочку, потом попытался обчистить и квартиру, но украсть ничего не успел, только разгром учинил – может, его спугнул кто или просто неопытный был воришка, не знал, где чего люди прячут...

Третий случай – самый серьезный, конечно. Камнем по голове, потом столкнули в котлован на стройке... Нет, это определенно не грабитель, а хулиган, или наркоман, или псих, наконец! Сейчас отморозков полно, и их поведение никакой логике не поддается.

И грабителя, и отморозка, конечно, следовало искать. Но трясти семейство Курбатовых, равно как и бывших поклонников этой любвеобильной дамочки – не имело никакого смысла. Только время тратить!

«Сценаристка, что с нее взять... „Инфернальный сгусток, воплощенное зло!“ Придумала себе злодея, который якобы ее преследует! Нет, милая моя, жизнь гораздо проще...» – язвительно усмехнулся Руслан.

Далее день следователя Кедрова распределился таким образом – он поехал в свое управление, долго писал отчет. Потом допрашивал свидетелей – уже по совершенно другому делу. Потом снова писал очередной отчет. Потом беседовал с криминалистами, но это уже касалось третьего расследования...

В восьмом часу Руслан наконец оказался дома.

Наварил себепельменей и сел перед телевизором. Одной рукой цеплялпельмени на вилку и отправлял их в рот, а другой щелкал кнопки на пульте. Детектив, боевик, опять детектив... «Ну граждане режиссеры-кинематографисты, сколько можно! И так целыми днями грязь пополам с кровью разгребая!»

По тридцать четвертому каналу шел комедийный сериал – из тех, что с дурацким закадровым смехом. Руслан хотел было вообще выключить телевизор, но вдруг что-то его остановило.

Семейство Кукуевых. Тетка в жутком рыжем парике, мужик на диване, странные детки, псина, напоминающая гигантскую мочалку...

Это же тот самый сериал, о котором рассказывала Дарья Парщикова! Руслан не без интереса уставился в экран.

Рыжая мать семейства решила вставить силиконовую грудь. Муж против – денег и так мало, нечего их на всякую ерунду тратить! Зато соседка рыжей вдохновилась идеей, сделала себе новую грудь. Муж соседки пришел к мужу рыжей и стал хвастаться, как теперь у них изменилась интимная жизнь. Этот, который на диване, решил дать жене денег на операцию, но не потому, что его волновала собственная интимная жизнь, а потому, что сосед взял его «на слабо». А соседка – та, с новой грудью – встретила с рыжей и заявила, что теперь с трудом может ходить, все время спотыкается. Грудь перевешивает! Рыжая насчет операции передумала, но муж слез с дивана и принялся ее доканивать – сделай грудь, сделай грудь!

Пару раз Руслан рассмеялся – но не потому, что было весело, а скорее создатели сериала буквально вырвали из него этот смех.

Пошли титры, и в них промелькнуло знакомое имя.

Дарья Парщикова. О господи, какой же она ерундой занимается...

Чего Руслан не терпел, так это людей, которые занимались ерундой. То есть тем, что не несло в себе конкретной пользы, осязаемого результата. Он не понимал клерков, которые сидели в своих офисах, перекладывали бумажки и набивали циферки, пялясь в экран монитора. Не понимал посредников и перекупщиков. Тех, кто переливал из пустого в порожнее, не создавая ничего.

И отдельно не понимал писателей, актеров и сценаристов. Конечно, они нужны, народ требует не только хлеба, но и зрелищ... Но им самим, работникам искусства, не стыдно всем этим заниматься? Особенно мужикам?!

Страна погибает, надо дело делать! Ковать, пахать, сеять, изобретать, учить, лечить, сажать за решетку всяких гадов, строить... что там еще? Да много чего, непочатый край работы!

Взять, например, отца, земля ему пухом... Отец Руслана пятьдесят лет проработал хирургом в больнице. Спасал людские жизни – наибогороднейшая, нужнейшая профессия!

Сухой, сдержанный человек, который служил одной цели. Отец никогда не брал с пациентов денег, довольствовался малым: ни еда, ни одежда, ни то, где он проведет отпуск, никогда не волновали Кедрова-старшего. Только операционное поле.

Даже говорить о том, что он спасает людей, отец не любил. Пафос – прибежище для бездельников. Он просто делал свое дело...

«Устал немного. Сегодня было два желудка и печень...» – короткое резюме, которое иногда изрекал отец, приходя домой. Это значило, что сегодня отец сделал две операции на желудке, одну – на печени. Руслан, маленький, смеялся – он представлял себе, как к отцу приходят на прием эти самые желудки – смешные существа с ручками-ножками.

Позже отец объяснил: «Ты не думай, Руслан, что я не вижу людей, а только их больные органы... Нет! Просто то, что происходит со мной, да и с другими врачами, называется профессиональной деформацией личности. Я, конечно, должен лечить не орган, а человека в целом... Но профессия такова, что у меня часто нет времени и сил на лирику. Если я с каждым пациентом буду вести душевительные беседы, вникать в их жизнь, проблемы и то, по каким причинам навалилась на них болезнь, я ничего не успею сделать. Например: у пьяницы печень в критическом состоянии – я оперирую, говорю потом: „Если хочешь еще пожить – не пей“, и все. На этом мои обязанности заканчиваются».

«А если этот пьянчужка не послушается и снова попадет тебе под нож – а, пап? Ты будешь его оперировать?»

«Да. А куда я денусь?..»

«И что ты ему скажешь потом?»

«То же самое: хочешь жить – не пей».

«А если он и в третий раз тебя не послушается?»

«Я и в третий раз сделаю ему операцию. И скажу те же самые слова».

«Но если у этого пьянчужки проблемы, горе какое-нибудь...»

«Это *его* проблемы. Длинных проповедей я не читаю, душеспасительных бесед не веду. У меня очередь из других пациентов...»

«Пап... А тебе их жалко?» – с интересом спрашивал юный Руслан.

«Нет. Вернее – очень редко позволяю себе эту слабость. Если я буду жалеть всех подряд, мое сердце не выдержит, нервы станут ни к черту, появится дрожь в руках, и я, делая очередную операцию, ненароком убью человека... Я не имею права на сантименты! Моя жалость, моя любовь к людям выражается в другом – я стараюсь сделать как можно больше качественных операций. А со всеми прочими проблемами, дорогие мои, пожалуйста к психологу, психиатру, наркологу, к священнику, к друзьям, родным...»

«Ох, пап, как страшно болеть... Я не хочу болеть! Я не хочу, чтобы ты болел...»

«Брось. Все ерунда. Сейчас медицина на таком уровне...»

«Но люди все равно умирают!»

«Потому что смертность – она, друг мой, стопроцентная. Живущих вечно нет».

Отец говорил о смерти без страха.

Даже когда на семидесятом году сам себе поставил страшный диагноз, он был спокоен. «Да ладно тебе переживать... – усмехнулся он, глядя в побледневшее лицо своего взрослого сына, которому только что сообщил об этом. – Рак у стариков – обычное дело. У нас, докторов, даже поговорка такая есть – каждый доживает до своего рака... И потом, эта болезнь опасна для молодых – вот их она сжирает подчас моментально. А старики с этим диагнозом живут довольно долго, боли практически не чувствуют...»

Отец и правда прожил потом еще целых три года, добровольно отказавшись от всякого лечения. Боли он не чувствовал – но, может быть, потому, что сам делал себе какие-то уколы...

Отец был для Руслана образцом мужчины. Делай свое дело и даже смерти смотри в глаза без страха.

Руслан хотел быть таким, как он.

Правда, в медицину не пошел – это было не его... Но зато занялся другим, не менее нужным делом. Стал работать в милиции.

И не раз потом вспоминал слова отца о том, что профессия обязательно подминает под себя человека, изменяет сознание.

Когда каждый день сталкиваешься с человеческим горем, подлостью и жестокостью, порой чудовищной, невозможно жалеть всех.

Люди ругают врачей и милиционеров за то, что они часто бывают равнодушны к их проблемам, но такова специфика этих профессий.

Разве он, Руслан, мог сочувствовать Дарье Парщиковой, у которой уличный грабитель вырвал из рук сумочку? Теоретически – да. Моя милиция меня бережет! Но практически это было невозможно. Сочувствовать всем – сердца не хватит. И потом, подумаешь – сумочка! Телефон, косметичка, пудреница от этого, как его там... Диора, Хренора... Вот когда у людей крадут последнее – это свинство! У какой-нибудь пенсионерки – последние, «похоронные» сбережения... Или у ветерана – ордена!

А тут сумочка, пудреница...

Сумочку у нее украли! Сочувствовать ей! А тут рядом людей убивают, режут, точно овечек на заклании... Как тогда на трупы-то мне реагировать – а, Дарья Михайловна?! А когда жертвами становятся дети?..

«И я при всем при том продолжаю заниматься вами, Дарья Михайловна. Я езжу к вам, записываю показания, снимаю отпечатки, мурыжу свидетелей, завожу дела, которые (заранее известно!) только статистику всю испортят, ибо – нераскрываемые, „висяки“... Начальство на меня орет, настоящие убийцы на свободе преспокойно разгуливают, поскольку я время свое на вас трачу!»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.